

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

След лисицы на камнях

Елена Ивановна Михалкова
След лисицы на камнях
Серия «Расследования Макара
Илюшина и Сергея Бабкина», книга 23

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25440744

След лисицы на камнях / Елена Михалкова: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-097459-7

Аннотация

У детективов Макара Илюшина и Сергея Бабкина необычное дело. Их клиент – убийца. Впрочем, было ли убийство? Или это чья-то чудовищная мистификация?

Поиск жертвы, которой не было, подобен игре в салочки с призраком. Поднимаются тени прошлого, открываются давно забытые тайны, причудливо сплетаются правда и ложь. Победителей не будет. Сумеют ли детективы Бабкин и Илюшин не проиграть? И не разведет ли их огненный лисий хвост по разные стороны баррикад?

Читайте об этом в новом детективе Елены Михалковой «След лисицы на камнях».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	77
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Елена Михалкова

След лисицы на камнях

Глава 1

*** * ***

– Я хочу, чтобы вы нашли пропавшего человека.

Красильщиков сделал жест, до странности противоречащий словам: будто этот человек стоял за дверью и его нужно было остановить во что бы то ни стало.

Люди, про которых ему сказали, что это лучшие частные детективы Москвы, ждали молча – спокойные и невозмутимые. Он предпочел бы любую другую реакцию. Любопытство. Недоверие. Насмешку. Все, что угодно, лишь бы избежать ощущения, будто он выступает перед судьями.

Теперь ему каждый встречный казался судьей. Ночью в дом попросился кот Арсений, и, впустив продрогшего зверя, Красильщиков внезапно схватил кота, уткнулся ему в шею и попытался зарыдать. Исторг из себя лишь нелепые булькающие звуки: так клокотал кран в его городской квартире, когда летом отключали воду. Кот стал вырываться, пришлось спустить его на пол. На полу Арсений передернул шкурой и

удалился, опасливо поглядывая на хозяина.

Вспоминать об этом Красильщикову было стыдно. И неловко перед котом за малодушие.

– Мы как раз специализируемся на розыске пропавших людей, – мягко сказал один из сыщиков. – Вас не затруднит изложить детали, Андрей Михайлович?

Красильщиков вдруг совершенно успокоился.

– Детали таковы, – сказал он. – Я убил человека, спрятал тело и хочу, чтобы вы его нашли.

Наступило молчание.

– Как вы его убили? – спросил наконец тот же самый детектив. Его напарник за все это время не проронил ни слова. Если бы он не поздоровался, войдя, Красильщиков заподозрил бы, что он немой. Немой телохранитель.

– Не его, а ее, – сказал Андрей. – Я ее задушил.

Он сел на табуретку и посмотрел в окно. За окном стоял черно-белый мир, оттененный сепией. По тропинке ковыляла старуха Худякова. За Худяковой бежала собака Белка. Голубой пряжей вился над крышами дым.

Из этого мира его вскоре выдернут, точно нитку из тканой салфетки, которые он покупал в соседней деревне со странным названием Уржиха. Столько дел осталось...

– Пол Яковлевой не утеплит, – пробормотал он, на миг забыв о частных детективах.

Короткое покашливание вернуло его к реальности.

– Я задушил Веру Бакшаеву, – твердо сказал Красильщи-

ков. – Пятнадцатого августа. Ровно три месяца назад.

– Она была вашей подругой?

– Я знал ее два часа.

Сыщик по имени Макар Илюшин откинулся на стуле и взглянул на него едва ли не одобрительно.

– Рассказывайте, – попросил он. – С самого начала.

Андрей Михайлович ненадолго задумался. Знать бы, где начало у этой истории... Когда он впервые увидел руины? Когда Ира сказала, что уходит, потому что не хочет больше мириться с его одержимостью?

Если здраво посмотреть на вещи, любую историю следует начинать словами «Я родился в таком-то году».

– Три года назад я купил этот дом, – сказал Красильщиков. – Все деньги, которые у меня были, вбухал в реставрацию. Честно говоря, я вложил сюда все, что имел. Это даже не о материальном... А вообще. В целом.

Он закурил, открыл форточку. Сигаретный дым, вместо того чтобы вытянуться наружу, сунулся туда на пару секунд и вернулся с целой толпой запахов: острым воздухом, рыбьей чешуей, гарью и чем-то железно-яблочным, словно за окном резали ножами антоновку.

– Я заключил договор с женщиной, которую звали Надежда Бакшаева. Покупка обошлась мне в три миллиона. Я бросил все свои дела в городе и начал заниматься восстановлением дома. Сейчас он практически закончен. Кое-что осталось привести в порядок на втором этаже, в музыкальных

комнатах... И еще беседки! При Вершинине в саду были две беседки, очень красивые... – Красильщиков спохватился, что снова говорит не о том. – Я жил здесь очень счастливо и уже подумывал звать на следующее лето гостей. А затем появилась эта женщина.

Он вспомнил, как Вера обошла столовую, хозяйски хлопывая по старинным деревянным стульям, которые ему накануне привез мастер из Владимира. Оплывшая, неряшливая, с мучнистым лицом, на котором играла хитрая улыбка. Как остановилась напротив него, облизнула губы, и в душе у него шевельнулось предчувствие беды.

– Ее звали Вера Бакшаева. Она оказалась старшей сестрой Надежды. Земля и дом на самом деле принадлежали ей.

– Как так получилось?

– Они с сестрой похожи. Я заключил сделку с младшей, а настоящей владелицей была старшая. Вера показала мне завещание родителей: там говорится, что участок и разрушенный дом переходят ей, а второй дом, благоустроенный, с огородом и садом, остается ее сестре.

– Подождите, – остановил его Макар. – Все равно ничего не понял...

– Да что здесь понимать! Меня обманули, вот и весь сказ. Старшая Бакшаева была здесь последний раз десять лет назад и, уезжая, забыла паспорт.

Молчаливый «телохранитель» издал невнятный звук.

– Паспорт! – повторил Илюшин, прозревая. – Хотите ска-

зять, младшая сестра по паспорту старшей продала вам вот это все?

Он сделал широкий жест рукой.

– Да. Никто из деревенских не знал, кому на самом деле принадлежала земля, которую я купил. Некому было вправить мне мозги. Надежда Бакшаева получила от меня три миллиона, а пятнадцатого августа явилась ее сестра Вера. С завещанием...

Показала завещание? О нет. Она тыкала этой проклятой бумагой ему в зубы. Она верещала так, что перепуганный кот обшипел ее и спрятался за буфетом. Она орала, что не позволит ее облапошить, что он у нее по этапу пойдет голый и босой, а когда Красильщиков пытался воззвать к ее разуму, выпалила ему в лицо, что на зоне ему не поздоровится, потому как обидел сироту, а правильные воры такого не прощают. Совершенно ошеломленный, Андрей не сразу понял, что «сирота» – это она о себе.

– В общем, она требовала назад свой дом.

– Вы же добросовестный приобретатель!

– Ну и что? Вера размахивала гражданским кодексом и цитировала мне наизусть целые параграфы. Я стал жертвой мошенничества, и она отлично это понимала.

Илюшин нахмурился, припоминая.

– В законе сказано о неотделимых улучшениях...

– Верно, – кивнул Красильщиков. – Я – добросовестный приобретатель. Добросовестный приобретатель имеет право получить от истинного собственника стоимость неотделимых улучшений. Я сказал об этом Вере, когда немного пришел в себя.

– А Бакшаева?

– Расхохоталась мне в лицо. Заявила, что у ее мужа в Москве квартира, они продадут ее и вручат мне мои «неотделимые улучшения» в денежном эквиваленте. Она выражалась несколько проще... Но смысл был именно таков. Я сказал ей, что за три года вложил сюда, по самой скромной оценке, двадцать миллионов. Что я сросся с этим домом... Вере было плевать. Она собиралась отдать деньги и вышвырнуть меня отсюда.

Он закурил. Теперь оба сыщика смотрели на него очень внимательно. Андрею Михайловичу даже показалось, что младший, задававший вопросы, догадывается о той части истории, которую Красильщиков утаил. О том, как он плакал перед этой наглой бабой. Как бухнулся на колени, умоляя не отнимать у него терем. Обещал найти любые средства, влезть в долги, дать ей столько, чтоб хватило до конца жизни.

Определенно, происходящее было Вере по душе. «Ты свое в хоромах пожил – дай другим пожить», – отрезала она. В каких хоромах? Еще полгода назад здесь были голые стены. Красильщиков пытался ей что-то объяснить, он поднялся с пола и твердил, отряхивая колени, что это ведь не дом

– это музей, ему полторы сотни лет! – и только услышав ее хохот, осознал, до чего он смешон. «Не скули, лысина, – отсмеявшись, сказала Вера. – Иди вещи пакуй. Чемодан-вокзал-Тамбов».

«Сначала суд выиграй», – сказал Красильщиков, пытаюсь собрать остатки самообладания. «Выиграю. – заверила Бакшаева. – Недолго тебе осталось. Эх, яблочко мое вкусное, – вдруг пропела она удивительно чистым голосом, – мы буржуя шуганули, морда гнусная».

На полке лежал гребень – безделушка, купленная вместе с салфетками. Единственным его безусловным достоинством был возраст: если верить бывшей хозяйке, гребень принадлежал ее прабабке. Красильщиков любил эту грубоватую поделку с вырезанной на деревянной ручке птицей Сирин, длинной, как такса, и такой же носатой. Половину зубьев гребень потерял, и теперь в нем не осталось ни красоты, ни смысла, – лишь притязание на обладание тем и другим, да и то обращенное в прошлое.

Вера Бакшаева взяла его, повертела. И вдруг без всякого усилия переломила пополам. Высохшая от старости птица жалобно крикнула напоследок, и голова осталась у Веры в левой руке, а облезлый хвост – в правой.

– Меня к ней швырнуло, будто толкнули в спину, – сказал Красильщиков, глядя себе под ноги. – По-другому не описать. Перед глазами встала... не то чтобы пелена, а как будто из воды смотришь на тех, кто ходит по берегу. И в ушах

пробки. Когда я очнулся, Вера лежала на полу мертвая.

Пальцы прилепились к ее шее. Он некоторое время все-речь рассматривал безумную идею, что зачем-то в беспмятстве намазал их клеем, пока не сообразил, что это судорога.

– Я проверил пульс. Пульса не было. Лицо у меня горело. Я подошел к зеркалу, оказалось, что кожа расцарапана. Бакшаева сопротивлялась! Понимаете? Я ее убивал, а она сопротивлялась...

Красильщиков хотел еще что-то сказать, но замолчал. Он провалился в то состояние, когда сидел рядом с мертвым телом и не ощущал ничего, кроме невероятности происходящего с ним. Так, наверное, голова катится с плахи, еще успевающая в угасающем сознании зафиксировать кувыркнувшийся мир и осевшее безголовое тело.

Ему казалось, он погрузился в воспоминания всего на несколько секунд. Но когда Красильщиков вынырнул, оказалось, что эти двое стоят перед ним. Громила протягивал стакан воды. Значит, успел сходить на кухню, налить, вернуться... Его младший напарник смял в пепельнице сигарету, которую курил Андрей Михайлович.

– Выпейте, – сказал «телохранитель».

Андрей отпил и только тогда увидел на штанах рассыпчатую гусеницу пепла. Он уронил сигарету и даже не заметил.

– Извините.

– Сможете рассказать, что было потом?

Андрей Михайлович вытер со лба холодный пот.

– У вас часом с сердцем проблем нет? – спросил громила.

Красильщиков усмехнулся:

– Были бы у меня проблемы с сердцем, я бы сдох еще тогда, когда Бакшаева сообщила, что отнимет у меня дом. Не беспокойтесь. При вас не окочурюсь.

Он допил воду и перевел дыхание.

– Был август, ночь. Я сидел рядом с Бакшаевой и думал, что делать дальше. Когда-то в десяти километрах отсюда был пионерский лагерь. Сейчас там все заброшено, даже домов не осталось. Один местный старик, Яковлев, притащил отсюда скульптуру пионера с горном. Она тяжеленная – армированный фибробетон... Соседи ему помогли. Сначала Яковлев хотел шутки ради установить горниста у себя перед домом, но постепенно эта идея позабылась. Вскоре и Яковлев скончался. У нас перед магазином, через дорогу, есть небольшая площадь. Я предложил вытащить пионера туда. Даже постамент заказал.

– Зачем?

Красильщиков пожал плечами:

– Вещи должны жить среди людей. В этом их смысл. И потом, горнист – это же история... Дети будут приезжать на каникулы, расспрашивать, родители станут им объяснять, как все было... Да. Так вот, за пару дней мы выкопали яму под фундамент. Горнист лежал рядом. Установить его мы соби-

рались в выходные. Я вытащил тело Бакшаевой из дома, погрузил в тележку, – голос Красильщикова стал почти бесстрастен. – Отвез на площадь. Опалубка уже была готова. Сгрузил ее в яму, присыпал землей. Я знал, что самое опасное для любого убийцы – если труп раскопают собаки, но надеялся, что за несколько дней они его не отыщут.

– Вы действовали один? – спросил Макар.

Андрей удивленно посмотрел на него.

– Один, конечно. Убил-то я ее в одиночку. На следующее утро мы залили фундамент цементом. Я убедил односельчан, что действовать нужно быстрее. В четверг воздвигли постамент, и на него подняли горниста.

– А сестра убитой? – подал голос громила.

– Надежда не задала мне ни одного вопроса. Несомненно, прежде чем идти ко мне, Вера должна была побывать у нее, ей попросту негде было больше остановиться. Но с того дня, как я убил Веру, Надежда притворялась, что никого не видела. Это было в ее интересах: она ведь смошенничала, продавая мне участок и дом. Мы с ней не перекинулись ни единым словом. Я ждал, что она явится, но этого так и не случилось.

Громила кивнул, похоже, удовлетворенный объяснением. Фамилия у него была нелепая, до странности не соответствующая облику. Женская какая-то. Машкин? Теткин? Нет, кажется, Бабкин. То ли Семен, то ли Сергей...

– Значит, вы закопали труп и стали жить дальше, – сказал Макар Илюшин. – Так?

– Так.

– Вы кому-нибудь еще рассказывали о том, что случилось?

– Полиции, – ответил Красильщиков.

Бабкин с Илюшиным переглянулись.

– С этого места подробнее, если можно, – пробасил первый.

– В октябре я понял, что дальше так жить не смогу. Я, собственно, понял это раньше, но до октября пытался переубедить самого себя. У меня ничего не получилось. Тогда я поехал в райцентр и написал явку с повинной.

Сыщики смотрели на него во все глаза. Они были до того похожи на детей, слушающих увлекательную сказку, что Андрей едва не рассмеялся. Похоже, им нечасто встречались раскаявшиеся преступники.

– Явку с повинной?

– Да.

– И что полиция? – недоверчиво спросил Бабкин.

– Они поехали вместе со мной откапывать труп Веры. Сняли горниста с пьедестала. Разрыли землю. Тела там не было.

Короткий изумленный свист, изданный громилой, послужил Красильщикову слабым утешением: хоть кто-то удивился, кроме него. Двое хмурых ментов в тот день стояли возле разрытой могилы с такими лицами, будто ничего иного и не ожидали.

– Я клялся, что во рту у меня не было ни капли спиртного, что своими руками задушил женщину и сбросил ее труп в яму. Твердил, что я должен сидеть в тюрьме. Знаете, что они мне ответили? «Покажи тело – посадим». Им все было пофиг – хоть убийство, хоть явление Христа. Я пошел к Надежде... Она отказалась со мной говорить. Никакой сестры она не видела, а я сумасшедший.

– А улики? – спросил Макар Илюшин. – У вас остались вещи, доказывающие, что Вера была в вашем доме?

– Я же не идиот, – невесело усмехнулся Красильщиков. – Ночью уничтожил все следы. У Веры свалилась с ноги туфля, так я сжег ее, когда вернулся. Бросил в печь, а то, что скукожилось и не хотело сгорать, унес в лес и закопал. Хотя подождите...

Он встал, вышел из комнаты и вскоре вернулся с разломанным гребнем в руках. Положил его на стол перед сыщиками. Бабкин и Илюшин молча смотрели на деревянные обломки.

– Я хочу, чтобы вы нашли, куда исчезло ее тело, – сказал Красильщиков и поднял на Макара измученный взгляд. – Не могу больше так жить. Не хочу. Или в тюрьму, или в петлю – других путей для меня нет. Помогите мне. Я не сумасшедший. Я убийца. Помогите.

Едва они вышли, ветер шагнул им навстречу и тщательно ошупал каждого, словно инспектор по досмотру при пересечении границы.

– Что думаешь? – спросил Сергей Бабкин, поднимая воротник своей новой куртки. Куртка была норвежская, синяя, новинка сезона, и Бабкин смотрелся франтом.

– Черт его знает... – Илюшин поежился в своем пальто. – Станный рассказ. Станный мужик.

– Слишком много несостыковок?

– Несостыковки – неотъемлемая часть любой правдивой истории. Меня удивляет другое: отчего полиция не возбудила дело? Самое логичное объяснение: он – местный сумасшедший, которого все знают.

– Этот сумасшедший заплатил нам сумасшедший аванс, – напомнил Сергей.

Макар с сомнением покачал головой.

– Задушил тетку в аффекте – может такое быть? – спросил Бабкин и ответил сам себе: – Запросто. Тело прикопал – возможно? Еще как! Я бы тоже от него избавился на его месте. Совесть за два месяца замучила – допускаем? Вполне. Я, конечно, считаю: если закопал, пусть лежит. Но я и не Красильщиков. Скажем, у меня хаты такой нет и не предвидится.

Они отошли подальше и обернулись.

– Натуральный Билибин, – сказал Макар после паузы.

– Чего?

– Билибин, говорю. Художник известный. Был. Вот он мог бы такой терем написать, может, даже и есть где-нибудь среди его иллюстраций к сказкам, надо поискать.

Сергей промолчал. Фамилия «Билибин» ему ничего не говорила, и что там углядел Макар, было неясно. А только красивущая изба, чего не отнять, того не отнять. Не зря Красильщиков называет ее теремом. Точно, терем. Сказочный! Трехэтажный, бревенчатый, с ажурными наличниками, похожими на бумажные снежинки, которые Маша каждый декабрь клеит на окна. Широченное крыльцо едва ли не просторнее, чем кухня в квартире Бабкина. Свесы кровли оформлены синими подзорами с цветочным орнаментом. Над четырехскатной крышей крутится флюгер – петушок.

– Допустим, этот бедняга говорит правду, – сказал Илюшин, пожившись на ветру. – Куда могло исчезнуть тело?

Красильщиков уверял их, что ночью его никто не заметил. «Здесь только сторож с колотушкой ходит, следит, чтобы пожара не было. И то не уследил, все равно загорелось. Правда, август очень сухой стоял...»

– Кто-то выкопал и перепрятал. Зачем – вот это вопрос!

– У меня есть ответ, но он тебе не понравится.

– Выкладывай!

– Камышовский некрофил. Это был его звездный час. Те-

ло не закопано, а хранится в подполе среди соленых помидоров и вишневого компота.

– Тьфу ты! Я думал, у тебя в самом деле хорошая идея.

– Хорошая идея, Серега, здесь может быть только одна. – Илюшин натянул шарф до носа. – Опрашиваем свидетелей, а потом решаем, беремся за дело или нет.

* * *

Надежда Бакиаева, 42 года

Толстая неопрятная женщина с оплывшим лицом. Выглядит старше своего возраста. Пьяна или притворяется пьяной.

– Чего? Верку мою грохнул? Ха-ха-ха! Бухать надо меньше, вот что я скажу. Алкашня! Верка сюда носу не кажет. Мы для нее хуже грязи!

Мне-то откуда знать, когда она приезжала? Думаешь, я на календаре день отмечаю, когда Вера Павловна решила нас осчастливить?

Нету у меня ее телефона. Зачем мне ей звонить? Пусть сначала она меня с именинами поздравит, а там поглядим.

Про Красильщикова тебе здесь любой скажет: у него с головой не в порядке. Из-за него на меня дело завели. Какое-какое – уголовное! Вроде как я Веркину землю незаконно продала. Я, между прочим, продала с ее разрешения, она мне руки за это целовать должна. Верка у меня в ногах ва-

лялась, плакала: Христом Богом, Наденька, найди покупателя. Даже паспорт свой оставила. А кто на эту развалину позарится! Нашелся один дурак, да и тот свихнулся. Пьет много... Как сюда приехал, ни одного дня трезвым не ходил.

Я тебе третий раз повторяю: ноги Веркиной здесь не было, считай, лет десять. Я как вершининский дом продала, деньги ей отправила. Не твое дело – сколько! Сколько надо, столько и отправила.

Ты зачем фоткаешь? Это кто тебе разрешил? Проваливайте отсюда! Фоткает он, ты погляди... Вражина!

Григорий, сосед Бакишаевой, охотник

Очень высокий и крепкий человек лет шестидесяти, по-видимому, огромной физической силы. Плоское желтушное лицо, вывернутые толстые губы, черная борода без единого седого волоса.

– Если Вера и приезжала, я не видел. Я в хату только ночевать возвращаюсь. Убил? Это Красильщиков языком впустию мелет. Кишка у него тонка убить. Он, помню, на охоту со мной однажды напросился. Храбрый такой шел, брюхо тазом, морда кирпичом. А как до дела дошло, визжал громче свиньи. Я бы на его месте от стыда рехнулся. А этот ничего, живет. Егерям на меня донес.

Он на своем тереме умом двинулся. Не знаю, где там чья земля. Не мое дело.

Верка тут не бывает. Она в город уехала. Слышал, то в

Ростове жила, то в Москве, то на севера подалась. Здесь за хозяйку Надежда. У Надежды-то детишек нет. С мужиком своим развелась.

А Красильщиков пьет. И лезет куда не надо. Наворовал, а теперь барином ходит. Видали таких бар! С голым задом по кустам.

Пятнадцатого августа? Врет. Пятнадцатого у нас пожар был, полночи на ушах стояли. Надькин дом и занялся как раз. Красильщиков тоже тушил. У него нервишки-то слабые. Видать, потому и насочинял всякого.

Ехайте по домам, мужики. Зря здесь околачиваетесь. У нас не кино, показать вам нечего. Только время потратите и глаза намозолите. Кому? Мне, допустим. Не надо вам этого.

Нина Ивановна Худякова, местная жительница
Высокая старуха с голубыми глазами. Ходит с клюкой, не хромает. Одета в юбку и телогрейку, голова покрыта платком.

– Чушь собачья! Андрей Михайлович никого убить не мог. Святым его не назову, но человек он очень хороший, редкий человек. На нем вся Камышовка держится.

В Уржике церковь есть, я каждый раз как в ней бываю, свечку ставлю за его здоровье. Всем миром строили, и Андрей Михайлович помог.

Там такое дело вышло: начали возводить, а деньги закончились. Священник придумал: будем, говорит, кирпичи про-

давать прихожанам. По триста рублей кирпичик. Кто купит, того фамилию напишем на кирпиче, а потом из них выстроим нашу церковь. И все рванули у него покупать. Даже изда- лека бывали. Он с туристической фирмой договорился, что- бы паломников везли. Один раз доставили китайцев – смеш- но получилось! Переводчик их имена на русском написал, а там непотребство на непотребстве. В общем, Андрей Ми- хайлович узнал, как собираются деньги, и возмутился. Где же, говорит, ваше смирение? Зачем же, говорит, вы поощря- ете в людях гордыню? Разве должны они желать, чтобы при строительстве храма были увековечены их имена? Вы, гово- рит, еще пообещали бы односельчанам, что распишете стены церкви ангелами, а лики перерисуете с их рож. На этом деле можно и не триста рублей, а все три тысячи срубить.

Ух, как он разошелся! Целую проповедь произнес. А свя- щенник его слушал, не возражал. Кончилось тем, что Кра- сильщиков ему денег дал, а торговлю они прикрыли.

Хотя я-то думаю, как продавали, так и продают. Просто Андрею Михайловичу об этом не рассказывают. Ну да Бог им судья.

Вера Бакшаева? Давно ее здесь не было. И пускай бы еще сто лет не появлялась. Уж больно человек она паршивый. Почему? Да так... Было у нас всякое, быльем поросло, а только кому надо, те помнят.

Это кто вам такое сболтнул про Андрея Михайловича? Плюнуть бы им в бесстыжие рожи! Я его за три года один раз

пьяным видала. И то тихий был, пару песен спел – и спать ушел. Потом прощения просил, извинялся.

Я и не знала, что он в милицию ходил заявление писать... Ему бы доктора, а не милицию. Сгубит себя человек. Состыжливый очень! Такие любят все грехи на себя повесить и тащить, как кандалы. Может, им от этого хорошо... Кто их поймет!

Пожар? Был в середине августа. Дайте-ка сообразить... Пятнадцатого числа как раз, верно. Я еще руку повредила, пришлось в травмопункт ехать. Меня Андрей Михайлович сам и повез. Да нет, обычный был. Шутил, про мужичков моих меня расспрашивал. Никак понять не может, зачем я их сюда тащу.

Отчего загорелось, этого я вам сказать не могу. У нас тут, бывает, вспыхнет на ровном месте. Должно быть, покурила Надежда, а окурок не затушила. Опять же, кому спасибо надо сказать, что дом спасли? Красильщикову. У него огнетушители.

Вон и Васька мой. Пойду...

Нет, ребятки. Ничем я вам больше помочь не могу. Но вы ходите еще, поспрашивайте, вдруг и в самом деле кто встречал эту погань. Да Верку, кого ж еще! Только думаю, привиделось это все нашему Андрею Михайловичу.

Лариса Яковлева, местная жительница

Бабушка неопределенного возраста, в очках, пухлая, с ко-

роткими седыми волосами. Сидит на расстеленной кровати, встает и передвигается с трудом.

Веру Бакшаеву я видала, было такое дело. Летом. А может, и в сентябре. Выглянула в окно, смотрю – идет, бедрами крутит... Бесстыжая! Жила бы себе в Камышовке, тихо, скромно, как Надька, – про нее бы слова дурного никто не сказал.

А Верку я помню еще во-от такой девчонкой. Мужики вокруг нее вились, как мухи вокруг таза с вареньем. Красивая была девка! Ядреная такая, волос курчавый, а глаза, как у лисы, желтые. Пожар случился из-за нее. Ивана посадили. Жалели его, а что делать! Нарушил закон – ступай в тюрьму. Как не помните? Ах, не местные...

Пятнадцатого? Ох, милые мои, чего не скажу, того не скажу. Память не та, что раньше. Я вот, верите, школу свою помню и как в совхоз первый день пришла... А про то, что недавно было, совсем мало в голове осталось, меньше, чем водички на дне ведра, когда ее выплеснут.

Вам лучше мужа моего спросить, Борю. У него-то память покрепче моей.

Куда Верка шла? Не знаю. Может, и к москвичу. Не помню, как его по имени-отчеству. Лысый такой. В дом ко мне забирался, шумел! Уж я его гнала-гнала, а он, поганец, ни в какую не уходит.

Верку, конечно, он убил. Раз говорит, что убил, значит, убил. Зачем ему на себя наговаривать? Я б вот не стала врать,

что убила. А москвич этот человек хитрый, от него всего можно ждать. Я уж и просила его по-хорошему, и кричала на него, а он все колошматил, спать мне мешал. У меня давление поднялось, два дня лежала, встать не могла. Борьку звала, чтобы заступился за меня, а он, паршивец, только отмахнулся.

Старый пожар я помню. Ох, страшное дело! Дом Бакшаевых сгорел подчистую, сарай сгорел и две соседние избы занялись. Боялись, на всю деревню перекинется. Слава богу, гроза пришла, залило дождем. В том мае одна гроза за другой накатывала. Люди-то возмущались, а оно вон как обернулось.

В августе? Этого я не знаю. У Борьки моего спросите, он везде носится – хуже бешеной мыши, ей-богу.

А москвича вашего в тюрьму надо садить! Раз он людей убивает...

Василий, человек без определенного места жительства, временно проживающий у Нины Ивановны.

Пожилый мужчина с изможденным морищинистым лицом, заросшим неопрятной щетиной. Волосы всклокочены.

– Никого я здесь не знаю. Похер мне. Хоть бы все они передохли.

– Ты заметил, какая у этого Григория куртка? – спросил Илюшин, когда они вернулись в машину и достали термос.

Можно было отогреться в доме Красильщикова, но Макар проявил щепетильность, сказав, что если они не станут браться за расследование, к чему все идет, то он предпочитает обойтись своим чаем.

– Ага. На мою похожа.

– Не похожа, а в точности такая же.

– Странный выбор для охотника.

– Они здесь все странные...

Машина стояла на пригорке, и озябшая Камышовка, едва присыпанная первым снегом, лежала перед ними. Не больше двух десятков жилых домов, три колодца, горнист. Возвращаясь обратно, они постояли перед скульптурой, рассматривая вечно юное лицо мальчика с горном. Илюшин сказал, что, если Красильщиков действительно похоронил труп под памятником пионеру, в этом есть известный стиль. Бабкин заметил, что, если бы Макар издавал газету, она называлась бы «Вестник циника».

Отпивая горячий чай из термоса, Илюшин спросил:

– Если снимем отпечатки с гребня, нам это что-нибудь даст?

– Брось! Какие отпечатки три месяца спустя? Не говоря уже о том, что Красильщиков при нас брал обломки без перчаток. И потом, у нас же нет образцов.

– Да, пальчиков Бакшаевой очень не хватает.

– Давай-ка наведаемся в местное отделение. – Сергей перегнулся назад и вытащил из рюкзака бутерброды. – Сколь-

ко до него?

Макар сверился с картой.

– Десять километров. Нет, двенадцать.

– По-хорошему, с этого и надо было начинать, – проворчал Бабкин.

Илюшин не ответил. Он рассматривал ближний к горнисту дом, по шиферной крыше которого бродила ворона. Полчаса назад, когда они постучались, им никто не открыл. Сейчас он видел, что кто-то стоит у окна, отодвинув занавеску. Смотрел ли этот человек в их сторону или просто замер в задумчивости, Илюшин не мог разглядеть. Возможно, хозяин дома недавно вернулся или же спал, когда они приходили. Возможно. Но Макара отчего-то тревожила эта фигура, как тревожит пловца неясная тень в глубине реки, которую он видит за секунду до нырка.

Браться за расследование ему не хотелось.

Причина была не в Красильщикове.

Макар чувствовал себя в Камышовке как растение-эндемик, пересаженное в незнакомый ареал. Не просто чужая, а враждебная среда окружала его. Он был человеком, родившимся в большом городе и пропитавшимся им; в его крови были растворены испарения асфальта, в его легких осела машинная копоть. Даже недолгое пребывание вдалеке от Москвы заставляло Илюшина ощущать что-то сродни неполноценности, как если бы вместе с городом из него изымали часть души. Город шумел, орал, шептал, кричал, надрывался

и хрипел; город звучал, не замолкая ни на секунду.

Камышовка была погружена в тишину. Сергей Бабкин непременно возразил бы, что и собаки гавкают, и вороны каркают, а если выйти из машины, можно расслышать скрип калитки, в которую туда-сюда ходит ветер. Но для Илюшина в этих звуках не было главного: присутствия человека.

Сергей Бабкин видел перед собой деревню – некогда почти закончившуюся, но вдруг проросшую новой жизнью, новыми людьми. Печи топят, избы строятся, дым вьется над крышами. Макар Илюшин видел кладбище. Существование жителей Камышовки было для него сродни растянувшемуся предсмертию.

– ...и ни одной пиццы на сто верст, – пробормотал он.

– Чего?

– Ничего. Поехали, пообщаемся с полицией.

Нина Ивановна Худякова вышла на крыльцо и рассеянно поглаживала Белку, пока джип не скрылся за деревьями.

Ох, этого еще не хватало.

Только перестали ждать беду, тут она и вылезла.

Когда Худякова была маленькой, в Уржике жила знахарка. Кажется, работала она санитаркой в больнице, а может и нет, – сама Нина Ивановна не помнила, а спросить больше не у кого. У Лариски мозги от времени размякли. Иногда кажется, что у нее в голове поролон. А в другой раз Яковлева как скажет что-нибудь, так словно муху газетой прибьет,

до того метко. Но память у нее нынче избирательная, с большими белыми пятнами, как на старых географических картах. Плохо, что пятна эти дрейфуют. Любой мореплаватель свихнулся бы, если б в августе континент был на месте, а в сентябре таял дымом над водой. Человеку во всем, даже в дурном, нужно постоянство.

Денег знахарка, как всякий настоящий целитель, не брала; расплачивались другим. Маленькую Нину бабушка дважды привозила к ней домой. Кашель, мучивший ребенка, после второго визита исчез. Нина полагала, что вылечили ее просто так, за то, что она хорошая девочка, и была очень удивлена, обнаружив исчезновение козы Маньки. Козу Нина любила и кинулась к старшим с упреками. «Дура ты, девка, – сказала бабушка. – Запомни: если есть чем откупиться от беды, это счастье, а не утрата».

Ох, как не хватало сейчас знахарки! Она разное умела, не только врачевать. Нина Ивановна что угодно бы ей отдала, лишь бы та отвела от Камышовки двух чужаков, пришедших с расспросами.

Нечем откупиться от беды. Хоть собаку отдавай.

Брысь, брысь, мысленно сказала старуха и зажмурилась, представляя, как метель укрывает Камышовку от чужих взглядов. Сами разберемся. Без вас.

Григорий Возняк удовлетворенно наблюдал за отъезжавшей машиной из окна. Уехали, значит.

Вот и хорошо.

Люди в массе своей ничем не отличаются от овец. Куда их псы погнали, туда и идут. А над псами – человек.

Правда, при попытке перенести эту схему на общественное устройство Камышовки Григорий терялся. Овцы – это большинство. Сам он, конечно, старший, указывает стаду путь. Но кто же овчарки? Нету здесь таких. Злобная Худякова не в счет, она скорее самому Возняку горло перегрызла бы, если б хватило силенок.

Но аналогия грела душу.

Однако Красильщиков-то каков! Купил частных ищеек, значит. А говорил, все деньги потратил на дом.

Увидев их, охотник прикинул, не перебить ли его цену. Сунуть им побольше, чтобы отчалили.

Денег жалко. Деньги, они ведь не с неба падают. Часть он откладывает на старость, часть отправляет Петьке. Кто бы сказал, что будет взрослого сына содержать, – плюнул бы в лицо. А оно вон как обернулось.

Эх, Петька-Петька...

Слава богу, что эти двое свалили.

А Красильщиков – гнида. Все зло от него. Дохлатина, брошенная в колодец, травит воду, и пить ее нельзя, пока три раза не выкачаешь содержимое и не навалишь хлорки. В памяти Григория еще свеж был случай, когда приехавший к Яковлевым в гости восьмилетний внук швырнул в деревенскую скважину мертвую крысу. Возняк охотно отправил бы

малолетнего паршивца следом.

Петька никогда такого не творил. И когда мелким был пацаном, и когда подросток. Бывало, ошибался, но чтобы пако-стить — ни-ни.

Вот и после Красильщикова нужно их чистую вкусную жизнь хлоркой обрабатывать. Он это, может, и не со зла гадит. Мертвечина не выбирает, гнить ей или нет. Просто суть такова.

Возняк накинул куртку, вышел из дома и двинулся к терему.

Глава 2

* * *

Следователь, работавший по заявлению Красильщикова, поначалу был хмур и немногословен. В его голосе сквозили интонации занятого человека, вынужденного тратить время на докучливых бездельников. «Частные детективы из Москвы!» Илюшин видел, как ершом раздувается в следователе колючее предубеждение.

Однако узнав, что один из бездельников – его бывший коллега, тот подобрел.

Его рассказ совпал с тем, что говорил Красильщиков. Да, написал явку с повинной. Нет, тела они не обнаружили. Да, стали проверять информацию и установили, что Надежда Павловна Бакшаева продала по документам своей старшей сестры ее землю и полуразрушенный дом. Был отправлен запрос по последнему месту регистрации Веры Павловны Бакшаевой, однако выяснилось, что оттуда она выехала два года назад, и где пребывает с тех пор, неизвестно.

– На Надежду Бакшаеву заведено дело о мошенничестве. Она вину полностью отрицает. Утверждает, что совершила свои противозаконные поступки по просьбе сестры. – Сле-

дователь сбился с казенного обращения и заговорил по-человечески: – Ну, и это... Я на всякий случай водителей наших опросил. Они от автостанции народ развозят по местным деревням. Утром, значит, в область, вечером – обратно. Ни один из них Веру Бакшаеву по фотке не опознал. Там народу не сказать чтобы много катается. Запомнили бы, если что.

– А машина у нее есть?

– Пес ее знает. Я запрос послал, ответ пока не пришел. Одно точно могу сказать: ваш клиент в психушках Москвы и Владимира не наблюдался. Я проверил.

Бабкин смотрел на следователя с возрастающим уважением. Он был практически уверен, что Красильщикова отфутболили с его заявлением, едва выяснилось, что трупа нет. Но недовольный толстяк, закупоренный в тесной как гроб комнатухе, где ветер заколачивал в оконные щели острые сквозняки, поработал на совесть.

– Не возражаешь, если немного пошуршим? – спросил Сергей. – Пока не подписались, честно говоря, раздумываем.

– Да чего уж... Мне и самому... ну это... узнать бы, в общем. Чего там случилось.

Полицейский вдруг смутился, словно в его любопытстве было что-то неприличное.

– Ты с Красильщиковым давно знаком?

– О предпринимателе, который купил старый дом, я слышал давно, но увидел только тогда, когда он с заявой прита-

щился. Черт знает... Не особо вменяемый он был. Но трезвый.

– Точно трезвый?

– За точностью – это тебе в палату мер и весов. Не пахло. А на анализы мы его не отправляли. Так-то про него разное говорят, но мужик он вроде неплохой.

– А кто разное говорит? – вмешался Илюшин.

Следователь поморщился и свернул тему.

– Телефон мой, если что... – Он оторвал клочок газеты, валявшейся на подоконнике, и нацарапал номер. – Найдете труп Бакшаевой – смотрите, не перепрытывайте.

* * *

На единственной улице Камышовки было пусто, однако Макара не оставляло ощущение пристального взгляда.

– Наблюдает кто-то, – заметил он.

– Ага. Тоже чувствую.

– Пойдем быстрее...

Они свернули к дому Красильщикова.

Лужи подернулись ледком; черными зрачками смотрела из-под него вода.

– Отказываемся? – Бабкин правильно расшифровал непривычную молчаливость напарника.

– Не знаю.

На самом деле Илюшин все уже решил. Но когда они по-

дошли к крыльцу, на перилах их ждала придавленная деревянным брусом записка. Андрей Михайлович сообщал, что вынужден отлучиться на пару часов по делам. Дозвониться до сыщиков ему не удалось. Он просил дождаться его, чтобы поговорить, — пока их не было, в памяти всплыли еще кое-какие подробности ночи пятнадцатого августа, — и предлагал место, где они могли бы расположиться в его отсутствие. «Опасаясь, что у меня вы будете чувствовать себя не совсем комфортно. Рад, если ошибаюсь. В таком случае устраивайтесь. Обед на столе, ключ у Нины Ивановны Худяковой, она предупреждена. Второй вариант — изба Сорокиных, дом сорок восемь. Там сейчас никто не живет. Дверь открыта. Простите, что вынужден бросить вас, но дело срочное».

— Ну, елки-палки! — сказал Сергей, прочитав записку. — Смыться по-тихому не получится.

Илюшин только поморщился.

Своей деликатностью Красильщиков их обезоружил. Уехать сейчас, когда у них просили всего пару часов, было бы грубостью.

— Пойдем глянем, что ли... — Бабкин сунул руки в карманы и спустился с порога. — Деваться все равно некуда.

Он присел на корточки перед конурой, в которой дремал хозяйский пес Чижик — длинноногая нескладная дворняга с умной мордой. Красильщиков предупредил, что пес совершенно беззлобен: его приютили строители, да так он и прижился.

– Что, парень, грохнул твой хозяин какую-то бабу или не было такого?

Чижик слабо махнул хвостом и зевнул.

По дороге Макар наступал на лед и вслушивался в сухой хруст, пытаясь угадать, что за надобность заставила Кра- сильщикова покинуть дом. Когда поравнялись с горнистом, Сергей встрепенулся:

– Смотри, в тридцать первом объявился хозяин. Загля- нем?

В окне ближайшего дома виднелась худая фигура.

* * *

Открыв дверь на стук, Татьяна непроизвольно отшатну- лась – до того высоким оказался тот, кто стоял ближе. Слав- ка тоже ростом почти два метра, но когда смотришь на него, на ум приходит слово «дылда». Всю жизнь выглядел мальчи- ком, после сорока начал выглядеть старым мальчиком. Есть такой тип мужчин: во взоре – бесшабашность и готовность к великим свершениям, в кармане мятая десятка и свечи от геморроя. Интеллектуал, вскормленный энциклопедической пылью. Духовный наследник эллинов.

Нынешнего же гостя породила каменная земля Ётунхей- ма, и если он кому и наследовал, то семейству великанов гримтурсенов.

На Возняка похож. Такая же глыба.

Мысль о сходстве с охотником всколыхнула в ней волну острой антипатии.

Однако второй гость несколько примирил ее с Глыбой. Сероглазый парень, похожий на студента, улыбался ей из-за плеча здоровяка. Улыбка у него была исключительная – не улыбка, а универсальная отмычка, отпирающая в людях дверцы, за которыми спрятан их смех.

Обаяние восьмидесятого левела, подумала Татьяна. Обидно будет, если сейчас они скажут, что журналисты и разыскивают Муру Маркелову.

– День добрый, хозяйюшка. – Ей показалось, что Глыба, увидев ее, опешил. – Нам бы побеседовать... Много времени не займет.

Татьяна медлила. Ее захлестнуло необъяснимое ощущение, что если эти двое сейчас перешагнут через порог, они, уходя, унесут ее дом на плечах, точно пустую ракушку.

Татьяна давным-давно договорилась со своими страхами, что ей позволено смеяться над ними при условии, что она к ним прислушивается. А страхи согласились не отвоевывать больше пространства, чем было им выделено. Зная их склонность к экспансии, Татьяна была благодарна им за выдержку.

Гости ее испугали. День и без того складывался странно. Что-то непонятное творилось с самого утра; то ли ветер переменился, то ли чудо-рыба-кит, к спине которой лепились избы Камышовки, вдруг тяжело вздохнула, распахнула средний глаз и шевельнула хвостом; дрожь прошла по ее телу, и

треснули иловые отложения, в которыеросло оно за тысячу лет.

– О чем побеседовать? – Татьяна по-прежнему преграждала вход в дом.

– Об Андрее Михайловиче Красильщикове.

– Он попросил нас расследовать убийство, – вступил второй.

– Убийство?

– ...которое он совершил.

– И кого же убил наш Андрей? – с кривой улыбкой спросила Татьяна.

– Говорит, Веру Бакшаеву.

– О господи! – Она поменялась в лице. – Господи ты боже мой... Заходите, пожалуйста.

* * *

– Вась, а Вась, – позвала Нина Худякова, поднявшись на крыльцо.

Василий высунулся из-под навеса.

– Опять сустав? – заворчала старуха, глядя, как он хромает ей навстречу. – Я тебе сколько раз говорила: пойдем к Андрею, он до врача довезет...

– Чего случилось-то?

Худякова шмыгнула.

– Москвичи к Таньке зашли, – неохотно сказала она. – С

полчаса у нее ошиваются.

– Поверили, значит, Красильщикову...

– Пес их знает. Что делать будем, Васенька?

– Ноги в руки – и тикать, – усмехнулся тот.

Старуха метнула на него сердитый взгляд.

– Я свое оттикала. На закорках меня понесешь?

– Надо будет, понесу.

– Да вот еще, позориться на старости лет! У меня уже место на кладбище приготовлено. А тебе уходить надо, верно.

– Если уйду, догадаются сразу, – возразил Василий. – Далеко я уковыляю, как думаешь, а?

– Сидеть здесь и ждать – лучше, что ли?

– Сидеть тоже не дело. Дай подумать...

Он помолчал, покусывая губу. Итог его размышлений вылился в неутешительное:

– Если Танька проговорится, считай, нам конец.

– Не проговорится, – жестко припечатала старуха.

– Откуда знаешь?

– Не проговорится. Думай, Васенька, думай, пока время есть.

* * *

– ...Конечно, я знаю Бакшаевых. Меня каждое лето отправляли сюда к бабушке с дедушкой. Это, собственно, их дом. Но Веру Бакшаеву я не видела очень давно. У нее есть

причины, чтобы не возвращаться сюда.

Татьяна вытянула перед собой левую руку ладонью вверх, обхватила кистью правой большой палец и принялась тянуть вниз, не глядя на гостей. По-видимому, делала она это настолько часто, что привычка стала безотчетной.

– Деревня потихоньку умирала, пока здесь не появился Андрей. Если Камышовка и жива, то лишь благодаря ему.

– Не все с вами согласны, – заметил Илюшин.

Она насмешливо фыркнула:

– И кто же мои оппоненты? Здесь ни одно хозяйство не обходится без Андрея.

– Например, Григорий Возняк. Он не очень тепло отзывался о Красильщикове.

Татьяна принялась за правую руку. Макар вспомнил, как наблюдал однажды за профессиональным массажистом, разминавшимся между сеансами. Он покосился на Бабкина и, заметив выражение его лица, беззвучно пнул напарника ногой. Сергей вздрогнул и стал смотреть в пол, точно подросток, которого застали подглядывающим за соседкой.

Илюшин понимал его чувства. Он тоже не ожидал увидеть в глухой деревне среди старух и полоумных предпринимателей такую женщину.

– Григорий – неприятное исключение, – сказала Татьяна и натянула рукава свитера до самых кончиков пальцев. – Возняк живет здесь всю жизнь. По местным меркам он очень богат. Народ его боится, и не без причины: человек он жесто-

кий и абсолютно безжалостный. Камышовка – его вотчина, по крайней мере последние сорок лет. И вдруг появляется Красильщиков. Сначала они худо-бедно пытались наладить отношения. Григорий даже взял его с собой на охоту. А надо знать, как он охотится...

На секунду ее лицо исказила гримаса ненависти. Воображение Макара выстрелило облойкой кадров, словно кто-то нажал спусковой крючок: тяжело бегущая лиса; капли крови на траве; охотник, идущий по следу раненого зверя. И финальный кадр: безжизненное рыжее тельце, вытянувшееся мордой к норе. «Почему лиса? – подумал Макар. – Откуда взялась лиса? Ведь не похожа ни капли, даже не рыжая».

– Возняк – браконьер, – продолжала женщина, волнуясь. – Он и рыбу прежде глушил динамитом, и на охоту идет когда вздумается. Не знаю, зачем он позвал с собой Андрея и почему тот согласился на эту дрянную авантюру. Им попалась лосиха с лосенком... И Возняк их убил. В нашем лесном хозяйстве лосей мало, и это заслуга Григория. Одно время он придумал себе развлечение и бизнес в одном флаконе: привозил из Владимира компании, и они шарахались по всему лесу, стреляли во все, что движется. С песнями, с выпивкой, с костром... Конечно, Возняк не ожидал, что Андрей будет вести себя иначе, чем его прежние клиенты. В итоге они подрались, и когда Красильщиков вернулся из леса, он сразу отправился к егерям. Андрей был в бешенстве, на него тяжело подействовала гибель лосенка. Он убедил егерей прие-

хоть. Разделанные туши нашли во дворе охотника. Григорий даже не пытался их спрятать! Зачем? Он никого не боится и убежден, что управы на него здесь нет. Однако его оштрафовали и, кажется, пригрозили лишить лицензии. А когда он решил снова привезти каких-то уголовников, чтобы стрелять кабанов, Красильщиков их просто выгнал. Всех. Сразу оказалось, что и егеря у нас имеются, и браконьеров они преследовать вполне способны.

Причина ненависти Григория к хозяину терема стала ясна.

– Кроме того, он взял под опеку местных жителей. Андрей, не Григорий.

– Под опеку – это как?

Татьяна ненадолго задумалась.

– Вот смотрите: живет у нас Нина Худякова...

– При которой какой-то бомж?

– Да. Она их подбирает в городе и привозит сюда.

– Это зачем же? – удивился Бабкин.

– Лучше у нее спросите. Это не мое дело. Нине Ивановне семьдесят три года, и хотя она исключительно бодра для своего возраста, заготавливать на зиму траву для козы ей тяжело. Вася, который у нее сейчас пригрелся, сам насквозь больной. Григорий разрешил Худяковой косить траву на своем участке, где высеяны окопник и чумиза. Нина, правда, его щедростью не воспользовалась...

– Почему? – спросил Илюшин.

– Мне не хотелось бы сплетничать, – уклончиво ответила женщина. – Когда приехал Красильщиков и со всеми пере-знакомился, он просто закупил Худяковой готовое сено на зиму вперед.

– От него она, значит, помощь приняла?

– Андрей обладает удивительным даром приносить людям благо, не превращая их в своих должников. Для Возняка, например, все эти ритуально-иерархические танцы крайне важны. Он живет в мире, где о других может заботиться только вожак стаи. Кстати сказать, местные все до единого разделяют этот подход. А Красильщикову он чужд. У него все естественно: кто обладает избыточным ресурсом, тот и распределяет излишки по слабым. К тому же он, мне кажется, чувствует себя обязанным Камышовке. Вы заходили к бабушке Яковлевой?

– В очках, кругленькая такая?

– Дом у нее был в плачевном состоянии. Фундамент просел, стены перекосило. Словно коробочка, которую раздавил ребенок. Красильщиков привез мастеров, они подняли ее избу домкратом.

«Стучал, спать мешал», – вспомнил Илюшин слова недовольной старушки.

– И так во всем. А что он сделал с теремом Вершинина! Это же фантастика! – Татьяна закрыла оконную створку, не заметив, что со стола от сквозняка спланировал лист бумаги. – Если Камышовка каким-то чудом возродится, это будет

заслуга Красильщикова. В прошлом году приезжали три экскурсии. Капитолина, моя соседка, поглядев на первую, вернулась домой и из козьего пуха навязала рукавиц. Заранее узнала у Андрея, когда будет вторая, и к нужному часу притащила со своими варежками. Хвасталась мне, что за пятнадцать минут заработала три пенсии. Понимаете, что это значит? Он местному краеведческому музею сберег столько предметов старины, сколько они за пятьдесят лет работы не могли собрать. Мы с ним однажды наткнулись на древнюю прялку. Так он с ней месяца три возился, пока не восстановил. Редкая прялка, с довольно нетипичной для этих мест мезенской росписью – в общем, музейная ценность.

Татьяна села, понемногу успокаиваясь.

– Но Вера Бакшаева пропала, – напомнил Макар. – И Красильщиков говорит, что убил ее.

В глазах женщины мелькнуло что-то трудноопределимое.

– Абсурд! Конечно, Андрей никого не убивал, об этом даже смешно говорить.

– Вы давно с ним знакомы?

– Шесть месяцев. С тех пор как приехала сюда.

У Бабкина вертелся на языке вопрос, отчего молодая красивая женщина прозябает в Камышовке, но он благоразумно сдержал любопытство.

– По-вашему, Красильщиков вменяем? – спросил Макар. Татьяна помолчала, сдвинув брови.

– У Андрея иногда бывают... видения. – Теперь она тща-

тельно подбирала слова. — Ему кажется, что у него хотят что-то отнять. Он детдомовский, вы знали?

— Нет, он об этом не упоминал.

— Когда мы с ним разбирали в сарае выброшенные вещи, среди которых попала та самая прялка, Андрей подошел ко мне и шепнул, что возле прицепа крутится мужик в куртке с капюшоном: похоже, собирается что-то украсть. И добавил, чтобы я не оборачивалась, иначе мы его спугнем. Я, конечно, сразу же повернулась. Там никого не было. Совсем никого. Пустой сад с выкорчеванными деревьями, даже зайцу спрятаться негде. Андрей принужденно засмеялся и сказал, что пошутил. Что это была проверка, а я ее не прошла. И еще была пара подобных случаев... Тогда я не придавала этому особого значения, расценивала как чудачество.

— Вам не страшно находиться рядом с ним? — не удержался Сергей.

— Не говорите глупостей. У всех свои маленькие странности.

— Вы сказали, у Веры Бакшаевой есть причины не возвращаться сюда, — вспомнил Макар.

— Она уехала из Камышовки после той трагедии...

— Какой трагедии?

— Пожара, — неохотно ответила Татьяна. — В девяносто первом году сгорел дом Бакшаевых.

Она отвернулась, еще сильнее кутаясь в свитер, словно надеясь спрятаться в нем от их взглядов.

– А почему одна сестра уехала, а вторая осталась? – Илюшин пристально смотрел на нее.

Татьяна вздохнула.

– Наде было семнадцать, Вере – девятнадцать... Надя была обычная, а Вера красавица. За ней ухаживали два парня, я имею в виду, ухаживали всерьез, с намерением жениться. Она дразнила их, провоцировала, в конце концов объявила каждому, что выходит замуж за его соперника. И один из них поджег избу. Вера спаслась... Но пожар был страшный... Вы представляете, что значит огонь в деревне, да еще и в мае? Мне было десять лет... Одно из самых жутких моих впечатлений за всю жизнь. Если честно, мне тяжело его обсуждать. Вы можете расспросить кого-нибудь другого. Здесь все об этом помнят.

Илюшин понял, что больше они от нее ничего не добьются, и подал знак Сергею: уходим.

– Спасибо, что нашли для нас время.

По ее губам скользнула насмешливая улыбка.

– Так странно слышать эти учтивые фразы... Я от них, оказывается, совсем отвыкла.

Илюшин сделал шаг к двери и вдруг замер. Взгляд его остановился на листе бумаги, упавшем со стола. Олени, выведенные черной тушью, будто бы без отрыва пера от бумаги, выстроились тесным рядом; кроны их рогов, переплетаясь, образовывали сложный орнамент.

Сергей тоже увидел его. Память кольнуло неуловимое вос-

поминание.

Илюшин поднял лист.

– Это ваша работа? – небрежно спросил он. До такой степени небрежно, что Бабкин насторожился.

– Моя. – Татьяна выхватила рисунок из его пальцев и спрятала за спиной. – Что вы собираетесь делать дальше?

– Ну, мы обошли почти всех жителей... Осталась еще пара человек. Кстати, не скажете, где нам найти мужа Яковлевой?

– Бориса Ефимовича? Он умер два года назад.

* * *

– Ты понял, кто она такая? – возбужденно спросил Илюшин, едва они отошли от дома.

Сергей боролся с желанием обернуться и узнать, смотрит ли им вслед хозяйка дома. Тербит ли при этом длинными своими пальцами кончик русой косы, небрежно перехваченной резинкой? Прикусывает ли его пухлыми своими губами? Стягивает ли свой бесформенный мужской свитер, монашеское свое одеяние, ничего, сволочь такая, не скрывающее, ныряет ли нагишом в прохладные волны, обильно ли струится вода по намокшей косе, когда она выходит на берег?

– Серега!

– Да! Чего?

– Мура Маркелова! Обалдеть. Никогда не думал, что

встречу ее в таком месте.

– Какая Мура? Она Татьяна...

Илюшин остановился и посмотрел на него тем самым взглядом сверху вниз, который Бабкин ненавидел от всей души, потому что не понимал, каким образом Илюшин, будучи ниже его на голову, ухитряется раз за разом выкидывать этот фокус.

«А если косу распустит, волосы ее задницу закроют или нет?»

– Мура Маркелова, – раздельно сказал Макар. – Художница! Иллюстратор! У твоей жены четыре ее книги стоят на видном месте. «Лисья тропа», «В нору за седой лисой» и еще какие-то.

Воспоминание, сновавшее неопознанной рыбкой где-то в нижних слоях памяти, кувыркнулось и выпрыгнуло на поверхность. Перед глазами Сергея встали новогодние плакаты, которыми в прошлом декабре была увешана вся Москва, – олени, морозный орнамент вокруг изящной вязи: «С Новым годом, любимый город!»

– Она очень востребованный художник, – сказал Макар. – Сильно же ее достала суматоха вокруг ее имени, если она забралась в эту дыру. Интернета здесь, надо думать, нет. Как она связывается с издателями? Впрочем, бог с ней. Не наше дело.

Бабкин подумал, что сегодня уже третий раз слышит эту фразу. Вот и Макар подцепил ее у Маркеловой.

«Я бы у нее тоже что-нибудь подцепил...»

Он наступил на мелкую лужу, но лед под ним не треснул, а мягко просел, и вся подошва окунулась в жидкую грязь.

– Странно это все, – после недолгого молчания продолжал Илюшин. – Маркелова описывает признаки параноидальной шизофрении. Бредовая идея структурирована и логична: нечто важное хотят отнять у Красильщикова, а он защищает свое. Но ты заметил, как спокойно она вспоминала о его галлюцинациях? Я бы на ее месте встревожился. А она рассказывает так, словно речь о бессоннице или, не знаю, астме.

Сергей рассматривал испачканный ботинок, чувствуя странное удовлетворение, как если бы грязь была ритуальной краской для посвящения в воины племени. Племя камышовцев! Самый удачливый охотник забирает себе самую красивую женщину.

– Думаешь, они спят?

– Если Красильщиков не разбился в лепешку, чтобы затащить ее в постель, он дурак.

Сергей отогнал образ Татьяны Маркеловой, летящей с распущенными волосами верхом на прялке.

– Думаешь, он реально свихнулся?

Илюшин пожал плечами:

– Если верить Маркеловой, дела его плохи. Сегодня он создает образ из своих воспоминаний и фактов, завтра решит, что вся деревня желает его смерти.

– А по ее рассказу он прямо-таки благодетель. Благодетель-шизофреник!

– Ладно, давайждемся Красильщикова, раз уж он просил. И смоемся отсюда, пока дороги не развезло. Потепление обещали... Меньше всего хотелось бы здесь застрять. У нас, кстати, бутерброды еще остались?

– Тебе здесь не нравится, – сказал Бабкин, обернувшись, наконец, на дом Маркеловой. Никого не видно было в окнах, и он испытал разочарование пополам с облегчением, точно моряк, которому сказали, что сегодня нагие русалки не будут петь и заманивать их в пучину.

– Ну да, не особо, – рассеянно отозвался Макар. – Холодно. Тоска. Я, знаешь, равнодушен ко всей этой эстетике разрухи и прозябания.

– Не в эстетике дело.

– Мы не станем задерживаться тут из-за того, что ты запал на красивую бабу, – предостерегающе сказал Илюшин. – Это плохая баба! Негодная! Брось бяку!

Сергей вздохнул.

– Ты косу ее видел?

– Видел. Качественный парик. На самом деле она лысая.

– Как лысая? – ошолбенел Бабкин.

– И беззубая.

– Что? Как... Почему беззубая?

– ...и между ног мышеловка.

– Сука ты, – с тоской сказал Сергей. – Все испаскудишь,

хуже кота.

Они остановились возле магазина. Между стеклом и решеткой втиснулись облезлый Чебурашка и неваляшка из облупившейся пластмассы; вся композиция напоминала стенд зоологического музея с заспиртованными экспонатами.

– Тебе здесь не нравится не из-за Маркеловой, – повторил Сергей. – Я, по-твоему, совсем дурак?

Макар попинал ступеньки и ткнул пальцем в Чебурашку:

– Нутром чую, как меня с каждой минутой затягивает к этим двоим. Слушай, – сказал он уже другим тоном, – моя двоюродная тетка Маша жила в деревне. Я не то чтобы был к ней сильно привязан, но, знаешь, когда у тебя всего три родственника, волей-неволей беспокоишься о каждом. После восьмидесяти она почти ослепла. Я пытался забрать ее в город, она сопротивлялась... И все меня убеждали, что в городе она быстро умрет, а в деревне у нее еще имеется лет пять в запасе. В один прекрасный день, в декабре, я поехал к ней. Как будто что-то подтолкнуло. Зима была снежная, деревню завалило едва ли не по крыши. Знаешь, как я туда пробирался? Из наста торчали еловые ветки, расставленные каким-то добрым человеком, и по ним нужно было ориентироваться. Машина проехать не могла, так что я тащился три километра через снег.

Когда я увидел, что тропинка перед ее домом не протоптана, то все понял. Возвращаться обратно было нелепо. К тому же я думал – а вдруг она там живая? Мне показалось,

что занавеска пошевелилась, когда я подошел. В общем, часа два расчищал себе путь. Лопату попросил у соседки. Потом у нее же взял топор. Ты бы, наверное, минуты за две вышиб дверь, а мне пришлось рубить ее целый час. Хорошее было дерево, крепкое...

– И твоя тетя была там мертвая, – утвердительно сказал Сергей.

– Была, – согласился Илюшин.

– В городских квартирах, Макар, то же самое случается сплошь и рядом.

– Знаю...

Больше всего Илюшина поразило не тело покойницы. Тетка лежала на кровати с умиротворенным лицом и выглядела так, словно заранее подготовилась к своей кончине и ни капли ее не страшилась. Выйдя из дома, Макар взобрался на пригорок – снег спрессовался под собственной тяжестью, и идти оказалось не так трудно, как он ожидал. Это было единственное место, где телефон ловил сеть. Вызвав милицию, Илюшин обернулся к деревне, оставшейся за спиной, и по коже его пробежал озноб.

Деревня тонула. Дома погружались все глубже, подобно лодкам, не способным выгresti против течения; их затягивала белая река. На коньке ближней крыши замерла в неподвижности ворона – единственный свидетель происходящего, не считая Макара, – и он не мог разобрать, сколько ни

вглядывался, живая ли она, или это чугунный флюгер, или окоченевшая птица, – но отчего тогда она не падает? Черный силуэт приморозил к себе его взгляд.

Лодки тонули. Большинство были пусты, но в иных еще теплилась жизнь. Илюшину представились персональные гробницы, в которых старухи шли ко дну. Деревянные саркофаги с наличниками.

Макар был молод и впечатлителен; вид умершей женщины подействовал на него сильнее, чем он готов был признать. Илюшин примерил на себя эту смерть – в холоде, в одиночестве – и ужаснулся.

– Милиция приехала только через шесть часов. Мне пришлось отогреться и ждать их у соседки, которая заговаривалась и три раза порывалась накормить меня помоями. С тех пор я недолюбливаю деревни. Особенно зимой!

Бабкин покивал с понимающим лицом.

– Вообще-то правильно тебя убеждали, что тетка загнется в городе, – без всякого сочувствия сказал он. – А что касается ее смерти, так ты не тетку оплакивал, а свои представления о достойной кончине. Хотя чем плохо умереть на собственной кровати?

– Ты еще предложи мне порадоваться, что ее не объели домашние животные.

– Подумаешь, объели бы! Старушка, может, была бы и не против напоследок покормить собой питомцев!

Они направились в сторону дома на окраине.

– Ты бы согласился, чтобы твое безжизненное тело обглодали коты? – поинтересовался Макар.

– Не. Я к котам не особо. А вот собаки – можно.

– Небесное погребение, – задумчиво сказал Илюшин.

– Это что?

– Обычай в Тибете. Называется «Милостыня птицам». Отвозят труп в долину, привязывают к колышку. Налетают грифы и объедают все до костей.

– Это зачем такое нужно?

– Считается, что от человека должна быть польза не только при жизни, но и после смерти, так что покормить грифов своей печенью, раз уж она больше тебе не послужит, – твой священный долг.

– Что-то вроде донорства органов...

– Типа того.

– Я против того, чтобы меня привязывали к колышку, – решил Бабкин. Они остановились возле старой избы с потрескавшимися стеклами, где на причелине висела ржавая табличка с номером «48». Калитка болталась на одном гвозде, как оторвавшаяся заплатка. – Это унижительно.

– Если не привязывать, твои кости растащат по всему Тибету. А так их соберут, разотрут в порошок, замесят с водой, испекут лепешки и накормят нищих.

Сергей уставился на Макара.

– Правда?

– Нет.

– Тьфу ты... Ляпнешь ведь!

Бабкин протиснулся в щель мимо калитки, мяукнувшей, как беспризорный кот, когда он задел ее плечом.

– Но вообще-то кости и в самом деле измельчают, – говорил Илюшин, идя за ним следом. – Только отдают не людям, а грифам.

– Это можно. – Сергей толкнул входную дверь, нащупал в темноте на стенке выключатель. Тусклая лампочка осветила пыльные полки с пустыми стеклянными банками. – Что-то здесь не особо уютно... А ты сам как насчет птиц?

– Грифов отвергаю! Не желаю, чтобы мой гениальный мозг стал пищей для стервятников. Предпочитаю завещать его науке...

Бабкин пригнулся, входя в комнату, – притолока нависала совсем низко.

– Башку свою гениальную не расколоти... – начал он.

Страшный удар сбил его с ног. Он слышал крик Илюшина и пытался повернуться, но мешала возникшая откуда-то дощатая стена. Сергей толкал ее, преодолевая боль в затылке, пока вдруг не осознал, что это пол. Все это время он бес- сильно ворочался на полу.

Кто-то склонился над ним. Угасающим сознанием Бабкин пытался сконцентрироваться на лице нападавшего. А затем на голову ему надели мешок, и Сергей провалился в темноту.

Гриффы растащили его кости – похоже, колышек оказался недостаточно прочен, и теперь, как и предсказывал Макар, останки были разбросаны по пологому склону горы. Череп застрял в ущелье, берцовая кость торчала из земли, воткнувшись почти вертикально. Вешка. По ней Илюшин сможет найти дорогу домой, но есть ли в этом смысл, если единственный, кто ждет его, – мертвая тетушка с живым котом?

Что было хуже всего, так это раздробленность сознания. Бабкин ощущал одновременно холод камня, на котором валялись два его ребра, и шевеление мухи в собственном черепе, и крепкую хватку клюва: одна из птиц уносила в качестве трофея проксимальную фалангу.

«Я ведь даже не знаю, что такое «проксимальная»», – подумал Бабкин. Эта мысль внезапно сработала как магнит: обломки его существа притянулись к ней, подобно металлическим опилкам, и Сергей пришел в себя.

Первое его ощущение было – что он железный. Железный Дровосек, которого сотню лет не смазывали маслом. Потом Бабкин зашевелился и от этого движения очень медленно перевоплотился в человека.

Он сидел на земле, привалившись спиной к заднему колесу внедорожника. По всему телу расползался холод; джинсы промокли от грязи и липли к ногам. Попробовал взглянуть

влево – возникло отвратительное чувство, будто чугунный котел головы водрузили на ломкий стебель шеи. Медленно повернулся вправо...

Возле переднего колеса лежал Илюшин.

Бабкин рванулся к нему.

– Макар!

Илюшин как-то сразу вострепнулся и сел; выглядел он как человек, проспавший звонок будильника перед рабочим днем, и увидев это выражение на его лице, Бабкин немного пришел в себя.

– Господи, – слабо пробормотал Макар. – Что ж ты орешь-то так...

– Живой?

– Вроде... А ты? Уй! Куда лезешь!

Сергей, однако, не успокоился, пока не ощупал Илюшина с ног до головы и не убедился, что кости у того целы.

– У меня, похоже, сотрясение, – сказал он. – В башке пульсирует.

Ощупав карманы, Бабкин убедился, что ключи от машины исчезли. Он представил, что они выпали по дороге, когда их волокли сюда, и его замутило от мысли, что придется возвращаться и рыться в грязи. Но тут Илюшин встал, заглянул в окно и сообщил, что ключи торчат в замке зажигания.

Они переглянулись. Более прозрачный намек трудно было вообразить.

– Что ты видел? – спросил Бабкин, когда они забрались

в машину.

– Почти ничего. – Макар откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. – Ты вошел, я замешкался в дверях. Услышал, как ты буркнул про гения. Потом смотрю: ты уже валяешься, а меня какая-то сила разворачивает спиной к тебе. И все. Очнулся, когда мне в ухо заорал теплоходный гудок.

Бабкин поразмыслил.

– Он был один. – Это признание далось ему нелегко. – Вырубил меня, потом тебя. Приволок к нашей тачке. Ключ вставил в замок.

– Один?

Макар недоверчиво уставился на друга. За все годы, что они работали вместе, ему ни разу не встречался человек, способный справиться с его напарником в одиночку.

– Это что за монстр такой... – пробормотал Илюшин.

– Не обязательно монстр. Знал куда бить, меня выключил с одного удара.

– А сюда мы как попали?

Бабкин вылез наружу, не ответив, и пошел вокруг, разглядывая землю. Возле заднего колеса остановился, достал телефон.

– На машине привез, – сообщил он, вернувшись в салон. – Вокруг следы шин. Я сфотографировал отпечаток протектора, правда, не слишком разборчивый.

Они посидели молча, глядя на безлюдную Камышовку.

– Ты понимаешь, что все это означает? – спросил Макар.

Сергей понимал. Кто-то в деревне очень не хотел, чтобы они оставались и вели расследование.

– Кто это мог быть? Из тех, с кем мы беседовали?

– Охотник, – не раздумывая сказал Бабкин. – Он здесь единственный такой здоровый лось. Не представляю, чтобы меня с одного удара вырубил, например, Красильщиков.

– Может, и зря не представляешь... Ладно, двигаем.

– Куда?

– К терему, естественно, – удивленно отозвался Илюшин. – Какие у нас еще варианты?

Сергей про себя усмехнулся. Если тот, кто напал на них, и в самом деле рассчитывал, что, испугавшись, они сбегут в Москву, он крупно просчитался. Макар пришел в бешенство. Теперь его нипочем не выгнать из Камышовки.

Илюшин подался вперед:

– Смотри, Красильщиков вернулся. Его «Тойота» перед воротами торчит. Поехали! У меня к нему накопились вопросы.

* * *

– Где вы были? – без предисловий спросил Макар, едва войдя в комнату.

Красильщиков открыл было рот, чтобы возмутиться бесцеремонностью, но тут же и закрыл. Люди, ввалившиеся в его дом, разительно отличались от тех, что были здесь утром.

– Что случилось? – Он с ужасом рассматривал их грязную одежду и бледные лица. – Вы что, дрались?

– Кто-то доступно дал понять, что нам здесь не рады.

– Как? Что?..

Бабкин ушел в самый темный угол, сел на пол и с облегчением привалился к стене. Здесь было тепло, сухо и свет не резал глаза. Красильщиков проводил его ошарашенным взглядом.

– Где вы были последние два часа? – повторил Илюшин. – Что за срочность такая заставила вас уехать, когда речь идет о вашей жизни? Вы же в тюрьму рветесь, я правильно понял?

Красильщиков выпрямился. Сумасшедший или нет, но держался он с достоинством; это вынужден был признать даже Макар, который был вне себя от ярости.

– Я не рвусь в тюрьму, – сухо зато ответил Красильщиков. – Но жить так, словно ничего не произошло, мне не под силу. Если хотите, считайте меня слабаком. Уезжал я, потому что мне позвонил один человек, с которым мы списывались прежде. Он гостит в селе неподалеку от нас, вскоре возвращается домой. Печной мастер. Мне необходимо было посоветоваться с ним по поводу дымохода на втором этаже. Понимаете, там непростая конструкция, сейчас так не кладут печи, и нужен был специалист, который...

Илюшин слушал с возрастающим недоумением.

– Вы ездили к печнику? – переспросил он.

– Уникальному печнику, – подчеркнул Красильщиков. –

Сам он с Севера, наведывается сюда очень редко, и это был единственный шанс. Договорились, что завтра он придет в гости. Будет разбираться, что не так. Теперь вы расскажете, что с вами произошло?

– У тебя судьба решается, а ты дымоход чинишь, – буркнул из угла Бабкин. У него болела голова, и он мучился от осознания, что их с Макаром едва не уколошил тихий деревенский житель.

– Так что случилось? – снова настойчиво спросил Андрей Михайлович.

Макар вздохнул.

– Рабочая версия: кто-то пришел сюда и прочел оставленную вами записку. Дождался, пока мы зайдем в избу, оглушил нас обоих и бросил возле нашей же машины.

Красильщиков перевел недоверчивый взгляд на Бабкина:

– Это правда?

– Я бы в жизни такого не выдумал, – буркнул тот. – А твой печник подтвердит, что ты был с ним последние два часа?

– И печник, и вся семья, у которой он гостит... Но я все-таки не могу понять... Напали, ударили... Вас же надо немедленно к врачу! – Красильщиков вскочил. – Я отвезу, в райцентре есть хороший доктор, мы с ним давно...

– Андрей Михайлович!

Красильщиков осекся.

– Успокойтесь вы, ради бога. Доктор пока не требуется.

Илюшин стащил с себя испачканное пальто и, осмотрев-

шись, положил на пол. Джинсы оказались сухими. Не то чтобы он чувствовал себя неловко, оставшись в одних трусах и свитере, но его поведение сконфузило бы присутствующих. Макар представил шокированного Бабкина и слегка разве-селился.

Однако в глубине души он был не только взбешен из-за случившегося, но и обескуражен. Больше всего ошеломля-ла не то дерзость, не то глупость нападавшего, который, по-видимому, не предполагал, что его жертвы могут запустить машину полицейского расследования. «Или оно его не пугало», – сказал себе Илюшин. Он испытующе посмотрел на хозяина дома.

В углу, где приходил в себя Бабкин, ему почудилось шевеление. За десять лет они научились понимать друг друга без слов; Сергей догадался, что за подозрение тревожит его напарника, и отрицательно качнул головой. «Не он». – «Почему?» – так же молча спросил Илюшин. Сергей показал ладонью десять сантиметров над полом. «Рост».

Словно иллюстрируя их разговор, Красильщиков поднялся, и Макар убедился, что Бабкин прав. «Метр семьдесят, может, чуть выше. Чтобы ударить Серегу по голове, ему пришлось бы подпрыгнуть».

– Я все-таки настаиваю на обследовании...

– Кто, по-вашему, мог на нас напасть? – спросил Илюшин, будто не слыша его.

– Григорий Возняк. – Красильщиков, как и Бабкин, не за-

думался ни на секунду. – Силища у него огромная. Я видел, как он тащил по земле лосиную тушу килограммов на четыреста.

– У него есть причины, чтобы защищать вас?

– Ни одной. Он будет счастлив, если я навсегда исчезну.

– А какие у него отношения с Бакшаевыми?

– Про Веру ничего не знаю. С Надеждой общается так же, как со всеми. Единственный, кто его здесь на дух не переносит, кроме меня, – это Худякова.

– Нина Ивановна?

– Да. У них счеты с давних лет. Здесь ведь как обычно бывает: поссорятся люди из-за ерунды и годами не разговаривают.

– В Камышовке есть еще взрослые мужчины кроме Возняка? – подал голос Сергей.

– Шестеро. Но они сильно пьющие...

Бабкин переписал фамилии и адреса пьющих. Оказалось, что с тремя из них они сегодня виделись, и он мысленно вычеркнул каждого. Представить, что кто-то из этих трясущихся пьянчужек расправился с ними в доме, было невозможно.

За окном начало смеркаться. День утекал, как молоко из треснувшей банки. Сергей позвонил жене и предупредил, что сегодня не вернется в Москву.

– Ничего не понимаю, – бормотал хозяин. – Если Возняк, то зачем ему... Это что же получается, он тело Бакшаевой выкопал?..

Однако, несмотря на его неподдельную озабоченность, несмотря на то что Красильщиков определенно взгромоздил на себя часть вины за случившееся, Макар улавливал исходящие от него токи слабого удовлетворения. Он едва не списал это на антипатию. Невзлюбил человек тех, кого сам же и позвал на помощь, бывает. Как вдруг сообразил: тот просто-напросто радуется, что появилось косвенное подтверждение его рассказа.

– Михалыч! – позвал из угла Бабкин. – Лучше вот что нам скажи: ты голоса слышишь?

– Какие голоса?

– Он спрашивает, не бывает ли у вас слуховых галлюцинаций, – перевел Макар.

– Боже упаси! С чего вы взяли?

– А зрительные?

– Зрительные?

– Вам не случалось видеть объекты, которых не замечали другие?

– Вы надо мной издеваетесь?

Бабкин удовлетворенно ухнул и привалился к стене.

– А они вас, оказывается, очень любят, – задумчиво сказал Макар.

– Кто?

– Местные.

– Да бросьте! – Красильщиков махнул рукой. – Любят, тоже мне... В глаза, может, и любят, а за спиной кукиши кру-

тят. Едва отвернулся, стащили станину от швейной машинки, под навесом сохла после лака, – вот скажите на милость, зачем им древняя станина без самой машинки, а? Я-то ее приволок, потому что это довольно редкая штукавина для Науманна, на ней сверху чугунная плита с росписью. Но объективно никакой ценности она не имеет ни для кого, кроме таких же повернутых на старине безумцев, как я. Так почему стырили? Я вам отвечу! Потому что уносят все, что плохо лежит, причем это делают те же самые люди, которые якобы считают меня благодетелем. Здесь воровство – не грех, а образ жизни, своего рода удаль. Дурак тот, кто не ворует. Уверен, они и меня считают дураком. Идиотиком. Блаженненьким.

– А вот кстати о блаженненьких, – сказал Макар. – Вы в психиатрических клиниках лечились?

Красильщиков округлил глаза.

– Сначала голоса, теперь клиники... Понимаю. Думаете, я псих. – Он вдруг засмеялся. – Люди из кожи вон лезут, убеждая в своей невиновности, а я бьюсь о стену лбом, чтобы доказать, что я преступник. Не лечился, не состоял, голосов не слышу.

– Хороший народ в вашей Камышовке, – без видимой связи с предыдущими репликами сообщил Сергей.

Хозяин вопросительно уставился на него.

– Видите ли, Андрей Михайлович, окружающий вас народ врет так, что едва из штанов не выпрыгивает, – пояснил

Макар. – И все это – чтобы защитить вас.

– В каком смысле?

– У вас пытались украсть прялку?

– Прялку? Да нет же, станину...

– Подождите вы со своей станиной. Прялку, старинную, деревянную – пытались? Вы видели вора?

Макар повторил историю, которую они слышали от Маркеловой.

Ошеломленный взгляд Красильщикова оказался красноречивее любых объяснений.

– Это Таня вам сказала?

– Таня.

– Зачем же она... для чего же...

Красильщиков вскочил, забормotal, забегал по комнате и вдруг сел на пол.

– Это же вредительство какое-то, – беспомощно сказал он.

– Это попытка вас спасти. Кстати, почти удалась. Вы должны сказать спасибо тому, кто на нас напал. Если бы не он, мы бы уже возвращались в Москву. – Илюшин устало потер лоб. – Чертовски голова болит... Найдется аспирин? Мы остаемся, Андрей Михайлович. Только давайте условия работы обсудим завтра, если вы не против.

– Да называйте вы меня Андреем, ради бога! – неожиданно рассердился Красильщиков. – Я хоть вас и старше в полтора раза, но не такой старик, чтобы крыть меня отчеством.

Илюшин чему-то усмехнулся.

– А нельзя ли нам сухое шмотье сообразить? – пробасил Сергей. – Или хоть простынку какую, чтобы в нее завернуться.

– В простынку вам заворачиваться рано. – Красильщиков поднялся. – Сейчас принесу одежду, а затем поужинаем.

– Нравится мне наш хозяин, – вслед ему сказал Бабкин, когда за Андреем закрылась дверь. – Гостеприимный! Жалко, что душегуб.

* * *

После ужина Красильщиков отвел их в жарко натопленную комнату на втором этаже. Поев щей, Сергей Бабкин совершенно ословел и думал лишь о том, как добраться до постели. Сквозь тяжкую сонную пелену он слушал, как Илюшин расспрашивает об особенностях обогрева такого большого дома и материалах для теплоизоляции.

«Пола почти горячие, вы заметили, Макар?»

Бабкин на секунду зажмурился от яркого света, а когда поднял веки, в форточку протискивался не крупный гриф. Двигая шеей, он сделал круг по комнате и угнездился рядом с Сергеем. «Но-но! Я живой, между прочим, – строго сказал ему Бабкин. – Ты тут не отирайся раньше времени». Ему вспомнилось, что в какой-то известной поэме описан ворон, только и умевший кричать, что «Никогда». «Заговорит он со мной или нет?» Гриф разинул клюв и каркнул: «Гипокауст!»

Бабкин вздрогнул и открыл глаза. Он сидел на краешке постели. Справа, привалившись к нему вплотную, дремал кот Арсений, прикрыв лапой рваное ухо.

– Гипокауст, – обернувшись к нему, повторил Илюшин. – Представляешь, здесь использован римский принцип обогрева полов! Круто, да?

Красильщиков взглянул на Бабкина и тактично заметил, что, пожалуй, уже пойдет.

– Моя комната на первом этаже, справа от столовой. Не стесняйтесь меня беспокоить, если что. Я плохо сплю.

– А собаки здесь шумные?

– Изредка брехают. Чижик мой молчаливый. И чутье у него отменное. На моей памяти один-единственный раз лаял так, что наутро охрип.

– Когда? – спросил Илюшин, догадываясь, каков будет ответ.

– В ту ночь, когда я убил Веру.

Как только они остались одни (кот выскочил за хозяином, будто бы и не спал), Бабкин со стоном облегчения повалился на кровать. Он только сейчас ощутил, до чего измотан.

– Будильник поставлю на семь. – Илюшин вытащил телефон из рюкзака. – Красильщиков говорит, завтракает он рано.

– Интересно знать, как он в одиночку управляется с хозяйством в этих хоромах? – вслух подумал Сергей.

– Почему в одиночку? Уборка – на тетке, которая приезжает из Уржихи. А готовит Андрей и сам довольно прилично. Он же рассказывал...

– Я прослушал.

– Ты проспал!

– Это все из-за сотрясения. – Ему пришла в голову новая мысль. – Слушай, ты не задумывался, что зарытый труп здесь может быть ни при чем? Просто кому-то из местных пришлось не по душе наши раскормленные московские рыла.

– За себя говори, – отозвался Макар. – У меня тонкий аристократический...

– ...фейс.

– ...профиль. Ладно, все это прекрасно. Но куда мог деться труп?

Бабкин перевернулся на спину и закинул руки за голову.

– Если исходить из того, что рассказ нашего хозяина не вымысел, то тело мог выкопать кто-то третий, – это первый вариант. И оно могло уйти на своих двоих – это второй. Задушить человека до смерти не так-то легко, как многие полагают. Сила в руках должна быть. Ты сестру нашей условно покойной видел? Здоровенная бабища! Даже мне пришлось бы долго ее душить.

– Ты б ей попросту шею свернул, – сказал Макар. – Ну, хорошо. Допустим, ушла. Но отчего не проявилась за три месяца? Вот что мне покоя не дает.

– Готовит месть?

– Вот уж маловероятно.

– Ну, может, перетрусилась и сбежала. Решила, что заявлять в полицию нет смысла, Красильщиков здесь царь и бог, ее же и выставят виноватой. И смылась по-тихому. Давай я завтра наведаюсь по месту ее последнего проживания и порасспрашиваю народ.

– Заодно сходи к врачу.

Бабкин промычал что-то, выразившее его полное согласие с этим планом, повернулся на бок и мгновенно уснул.

Макар встал и подошел к окну. В небе над соснами висел желтый шар: так далеко укатившийся от лисы колобок, что и захочешь, а не вернешься отныне в дремучий лес, где все чудесно и страшно, где тропа ведет от зверя к зверю и жив ты лишь глупыми песенками. Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел. Спасся, голубчик? Или это твоя беспокойная душа отправилась в вечное путешествие мимо Большой Медведицы и Гончих Псов? Пока ты плывешь по небесной реке, внизу рассказывают лживые истории о твоём коротком бесславном пути. Все сказки сочиняются лисами.

Невдалеке коротко взлаяла собака и умолкла. Макар прислушался.

Тетка Маша загадывала ему в детстве загадку: у кого пылает хвост, а она его не тушит?

Дом Бакшаевых горел дважды. Первый раз – много лет назад, и выгорел полностью. Затем – в августе этого года, од-

нако залили быстро, уступив огню лишь дворовый фасад и крыльцо. В разговоре с Надеждой Макар пытался незаметно сфотографировать следы пожара. Не вышло – женщина держалась настороже.

Услышав о том, что в ночь убийства тушили загоревшийся дом, Илюшин преисполнился уверенности, что тело было спрятано там. Огонь уничтожает все следы. Кто-то выкопал задушенную Бакшаеву и перенес к ее сестре, а затем устроил поджог.

Оказалось, что его версия несостоятельна. Дом вовсе не сгорел.

И все же что-то здесь было не так... Два пожара не выходили у него из головы.

«У кого пылает хвост, а она его не тушит?»

Макар забрался в постель, размышляя, удастся ли ему заснуть под храп с соседней кровати. На этой мысли его и одолел сон.

Кот Арсений, ближе к полуночи забравшийся в комнату через приоткрытую форточку, устроился было у Илюшина в ногах, но вскоре ушел: Макар спал тревожно и ворочался. Ему снилось, что Веру Бакшаеву унес в заброшенный пионерский лагерь мальчик-горнист.

* * *

Илюшина разбудил негромкий стук. Открыв глаза, он об-

наружил, что в комнате совсем светло. На соседней кровати мерно вздымалось одеяло, из-под которого голова не была видна, зато с дальней стороны упирались в деревянную спинку босые ступни сорок шестого размера. Взглянув на телефон, Макар убедился, что каким-то образом ухитрился не только проспять сигнал будильника, но даже отключить его. Как он это проделал, Илюшин совершенно не помнил, и из-за этого вкупе с неясным беспокойством от пробуждения в незнакомом месте его некоторое время не оставляло чувство уплывающей, неустойчивой реальности.

Подумав, он списал это на сотрясение.

Едва он вышел во двор, его обожгло холодным воздухом. День стоял такой ясный, словно его всю ночь готовили к тому, что он должен загладить первое неудачное впечатление от местного ноября, и чистили, и натирали до воинственного блеска. Блестели мокрые бурые листья, блестела черная земля, и оцинкованное железо крыш посверкивало под высоким небом, точно латы кирасира, начищенные перед боем.

Макар пошел по дорожке и на заднем дворе возле большого пруда нашел Красильщикова. Тот возился с узкой лесенкой длиной не больше полуметра, которую закреплял на берегу, опустив другой конец в воду наподобие трапа.

– Доброе утро!

– Доброе, – отозвался Красильщиков. – На кухне каша стоит на плите, горячая. Если кашу не любите, есть яйца, хлеб, колбаса. А, еще суп вчерашний. Вы как насчет щей?

Кофе хорошего не имеется, только пакость растворимая. Будете пакость?

– Спасибо, я лучше чай себе заварю.

– Тоже дело. Почки сосновые в шкафчике за плитой, там мешочек такой, увидите.

Сегодня хозяин выглядел иначе, чем вчера. Лицо его покраснело на холоде, тонкие губы обветрились, а глаза слезились, но взгляд был твердый, а не затравленный, как при первом их разговоре. Вообще он производил впечатление человека, который за ночь сбросил с плеч груз тяжелой беды, хотя Илюшину казалось, что дело обстоит в точности наоборот. Черная шапочка на его большой лысой голове то и дело морщилась и уползала на макушку; Красильщиков натягивал ее на уши, но это действовало недолго.

– В спячку не желают впадать, негодяи, – пожаловался он. – Обычно в октябре уже никого не видно, даже за погребом не шуршат, а в этом году уже двоих вытащил.

– Двоих кого? – не понял Макар.

– Да ежей. Они в пруд падают. Приходят на водопой, сползают в воду, а вылезти им силенок не хватает. Дохлого ежа вылавливать, скажу я вам, небольшая радость. Старые мостки, которые я смастерил той весной, у меня сгнили... Древесина была негодная. – Он снова натянул шапку пониже. – Я все голову ломал, отчего ежи не впадают в спячку, хотя уже холодно и снег всюю падает, даже боялся, что прибежали бешеные... Вы же знаете, что ежи – частые переносчики

бешенства?

– Ежи и лисы, – кивнул Макар.

– Да. Летучие мыши еще, но их у нас немного. А потом сообразил: они должны нагулять жир, прежде чем на всю зиму ложиться в спячку. Видимо, не у всех получается. По лесенке они смешно выбираются, я из окна наблюдал несколько раз. Бегут, башкой крутят. Мой Арсений их недолюбливает.

– Давно вы проснулись?

– В шесть. Дел много. Раньше я мечтал, когда налажу здесь хозяйство, завести корову... Теперь-то не судьба. – Он сказал это спокойно, не жалуясь. – Но, честно говоря, не представляю, когда же в таком случае спать. Моя бабушка вставала на утреннюю дойку в половине четвертого, что-то мне подсказывает, что я не способен на такой подвиг. Хотя свое молоко... Заманчиво!

– Чем вы сегодня занимаетесь?

– К двенадцати должен явиться мой печник, будем разбираться с дымоходом.

– Если все пойдет так, как вы планировали, у этого дома скоро будет другой хозяин, – безжалостно напомнил Илюшин.

Красильщиков удивленно взглянул на него.

– Какая разница? Работу все равно надо делать.

Илюшин прищурился.

Хозяин терема был некрасив: тяжелая, непропорционально большая голова, и лоб большой, широкий, а под прямы-

ми бровями – умные глаза с набрякшими веками. Рубленый короткий нос и мясистый подбородок: Илюшин заметил на нем многочисленные следы порезов.

В его памяти всплыл рассказ, то ли читанный, то ли слышанный в юности, как одни люди привели других в лес и приказали им рыть себе могилу. Были ли это солдаты и военнопленные, или же бандиты и должники, или осужденные и палачи, говорившие с ними на одном языке? Этого он не помнил. Но только один из приговоренных отшвырнул свою лопату, а второй принялся молча копать.

Первый был весел и бешен, и когда за неповиновение на него направили оружие, лишь оскалил зубы. Второй крепче перехватил черенок.

«Упырям пособничать не стану, – сказал бешеный. – Все одно шлепнут, хоть так, хоть эдак. А ты зачем роешь, дурья морда?»

Второй поднял голову и улыбнулся: «Перед смертью поработать чуть-чуть – все ж радость».

С тех пор Илюшину доводилось иногда встречать людей этой, второй, породы, до того редких, что впору было заносить в Красную книгу. Их объединяла способность даже самую дрянную работу, вроде рытья собственной могилы, выполнять с такой гордостью и тщанием, словно не ублюдок с револьвером, а сам Господь, сойдя из райских кущ, попросил их о помощи, и они совершали свой труд не для других, а в его честь.

Был ли Красильщиков похож на них? Или просто не знал, чем еще занять время в ожидании, пока отыщут убитую им женщину?

– Я, Андрей, спросить хотел. Вы же предприниматель?

– Бывший.

– Значит, имели дело с документами. Как вы за три года не поняли, что в договоре стоит имя не того человека, который жил с вами бок о бок?

Красильщиков отложил на траву инструмент и натянул рукавицы.

– Это звучит довольно нелепо, но на имя я просто не обратил внимания. Мне указали на тетку, сказали, что она продает участок. Тетка вытащила из ящика документы на собственность. У меня не возникло никаких сомнений. Я бы мог что-то заподозрить, если бы она сбежала с моими деньгами. Но Надежда осталась жить здесь, по соседству со мной... Не знаю, на что она рассчитывала. Может быть, думала, что Вера никогда не вернется? У меня нет ответа.

– Вы сказали, что пытались с ней поговорить после смерти ее сестры?

– Пытался несколько раз. Она включала бесноватую, и я в конце концов отступился.

– Про пожары у Бакшаевых вы знаете?

– Знаю про августовский. Он случился после того, как приходила Вера, причем я не сразу осознал, что это одна и та же ночь. Когда за мной прибежали, я спал, и проснувшись,

решил, что прошло уже несколько дней. У меня в голове помутилось.

– А старый пожар?

– Я только слышал о нем. Подробности не знаю. Вам лучше спросить у тех, кто давно здесь живет.

Макар кивнул и в задумчивости пошел к дому. Красильщиков окликнул его:

– Вы меня извините, я ваш будильник отключил, когда он пиликал. Слышу – играет, а где, не пойму. Постучался, вошел, а вы спите. Я пытался вас разбудить, но не смог.

В кухне Илюшин вскипятил чайник и вспомнил про сосновые почки. Мешочек нашелся на нижней полке. По белому хлопку вышита зеленой нитью игольчатая ветвь и под ней олень с рогами. Очень знакомый олень. Фирменный рисунок Муры Маркеловой, по которому безошибочно узнавали ее авторство, – она часто оставляла его на своих книжках вместо автографа.

«Трогательно», – без всякого умиления подумал Илюшин и опустил три чешуйчатых почки в чашку с заваркой.

Глава 3

* * *

Бабкин ехал быстро, надеясь успеть до темноты, но на МКАДе застрял в пробке и провел в ней три бездарнейших часа, слушая радио. Едва он, уставший и измученный, переступил порог, к нему подбежала Маша, обняла, просияла, и навязчивый образ Татьяны Маркеловой растаял, сменившись удивлением: что за помутнение на него нашло?

Бабкин подхватил жену на руки и потащил в комнату, забыв об усталости.

– Что у вас там, в Камышовке? – спросила за ужином Маша. – Может, расскажешь?

– Скука смертная, – отмахнулся Сергей, твердо решив не пугать ее историей с покушением. – Даже говорить не хочу.

Обещанную Макаром «Лисью тропу» он не нашел на книжной полке и, подумав, осознал, что и искать не хочет. Вместо этого Бабкин озадачил жену вопросом, какие художники ей нравятся. Вынужден был долго рассматривать вместе с воодушевившейся Машей альбом репродукций Эгона Шиле, вызвавший в нем те же чувства, в которые ввергает неподготовленного человека посещение мясного цеха, –

ужас и мучительное раскаяние в своем любопытстве. Затем пытался заглушить впечатление от Шиле импрессионистами, однако был пойман, усвоен и подвергнут знакомству с Гойей. Маша, окрыленная его интересом, заодно прочла красноречивую лекцию о «Снах разума». К концу ее рассказа Бабкин молился лишь о том, чтобы случайно не брякнуть имя еще какого-нибудь живописца.

Выбравшись из плена искусства, он на нетвердых ногах ушел в кухню и сел писать план на завтрашний день.

О Вере Бакшаевой было известно лишь то, что она закончила кулинарный техникум. Ее сестра наотрез отказалась что-либо сообщать детективам, и Сергею пришлось ехать по месту последней регистрации Веры и стучаться к соседям в надежде, что кто-нибудь из них осведомлен о ее работе.

Здесь ему повезло. Дом был старый, квартиранты менялись редко, и жильцы заинтересованно присматривались к новым людям. Сергею указали на гигантский термитник в соседнем квартале, забитый офисами.

– Где-то там она работала, – прошамкал старичок-сосед. – В судках еду таскала домой. Воняла тушеной капустой на весь подъезд!

Бабкин направился к высотке.

Термитник обслуживали пять заведений общественного питания. В третьей по счету столовой, носившей название «Березка» и обклеенной фотообоями, простодушно иллю-

стрирующими название, в ответ на его расспросы женщина на раздаче повернулась всем корпусом и крикнула басом в глубину кафельного рая с запахом котлет:

– Светка! Пронина! Тут до тебя мушшчина пришел!

Вышла широкоплечая Света в грязно-белой косынке.

– Здравствуйте, – сказал Сергей. – Я насчет Бакшаевой...

– Убили нашу Верку? – резко перебила женщина.

– Нет, – сказал Бабкин, внимательно глядя на нее. – Вернее, мы не знаем. Вот, ищем.

– Кать, я на пять минут, – бросила она.

Они просидели под неуютным светом люминесцентных ламп не меньше часа. Когда схлынула насытившаяся волна офисных работников, раздатчица молча поставила перед Бабкиным тарелку жидкого супа и компот.

– Хабалка она, – ласково говорила Света, вертя в руках бумажную салфетку. – Я б, может, сама ее убила, если б у Петьки руки прежде моего не дошли.

Они были знакомы с Бакшаевой больше десяти лет. «В буфете на Ленинградском зацепились языками. Я там всего пару месяцев продержалась, Верка и того меньше».

Из рассказа Светланы вырисовывался образ человека жадного, скандального и бесцеремонного. Вера занимала деньги и не возвращала. Брала по чуть-чуть: то сто рублей, то пятьдесят, но для нее, похоже, было делом чести присваивать их. На тех, кто отказывался ссужать ее, накидывалась с оскорблениями. Чужое внимание распаляло ее. Осуждают

ли, стыдят ли – это Вере было безразлично; только бы смотрели.

– Дебоширка она – жуть! Чуть что не по ней, сразу орать и поддонами швыряться. Ну нету в человеке затычки! Все дерьмо льется наружу. Ее из-за этого и увольняли. Верка помыкается без работы – и новую ищет. Нравилось ей среди людей. А больше всего знаешь, от чего она тащилась? У нее нюх на чужие болячки. Почует кровяную ранку, и давай туда тыкать пальцем, ковырять... Человека от боли скрючивает, а она радуется как ребенок.

– Как же вы с ней дружили? – Бабкин отхлебнул остывший суп, чувствуя на себе взгляд раздатчицы.

Света усмехнулась:

– Верка – она веселая! Артистка! Для друзей наизнанку вывернется, морду расшибет, а сделает что надо. Пару лет назад я загремела в больничку по женской части, и так мне тошно там было, что хоть вешайся на простыне. Верка это прочухала. Объявила медсестрам, что будет лежать со мной. И что ты думаешь? Пустили ее! – Пронина восхищенно цокнула языком. – Она, моя милая, и бульончик мне носила, и развлекала меня, даже пела. Вся палата ждала, когда она появится. Одна тетка с соседней койки мне заявила: «Я от нее заряжаюсь жизнью!» Так и есть. Верка, считай, все время электричество вырабатывает.

Был такой случай: к нам в столовку взял привычку таскаться один вшивый гражданин. Противный, как началь-

ник, когда премии лишит! Любил нашим девчонкам говорить сальности. Бросит пару слов, а ходишь потом, будто тебя в соплях искупали. И не выгнать его никак... Нам с клиентами не разрешают ругаться.

Одна из наших на раздаче даже плакала после него, самая молоденькая. Верка увидела, ноздри у нее раздулись: чисто лошадь, только копытом не бьет.

А тут, значит, является этот вонючий хрыч. Будний день, полный зал народу... А на раздаче Верка. И вдруг как заорет на всю столовку: «Иван Кузьмич, пойдёмте жениться!» – полиэтиленовый пакет цепляет к колпаку на манер фаты и топает к нему. Бух-бух-бух! Весу в ней – под центнер. Глаза выпучила, губки вытянула... Цирк! Он аж подпрыгнул! Женщина, говорит, зачем вы хулиганите? Я вас не знаю! Верка в крик: как, ты же обещал на мне жениться, ласковые слова говорил, шептал, какой горячий у меня гуляш...

Бабкин невольно улыбнулся. Пронина кивнула:

– А мы-то как хохотали! Он стоит, поганка плешивая, а вокруг все смеются. И Верка такая важная, грудь колесом, а над рожей пакет болтается. Умора! Старый пердун и сбежал. Больше у нас не показывался.

– Расскажи про нее еще что-нибудь, – попросил Сергей.

– А это поможет тебе ее искать?

– Надеюсь.

Пронина сделалась серьезной.

– Мне еще вот что вспомнилось... Как-то мы с Верой еха-

ли зимой в метро: после работы, с сумками, уставшие... Пуховики еще эти! И тут они входят. — Она поежилась. — То ли пятеро, то ли шестеро, здоровенные, как футболисты, и в татухах. Все под кайфом. У меня, знаешь, на такие дела глаз наметан: брата два года как похоронили, умер от передоза.

Ну, зашли на Маяковской. Топчутся. Чувствую, от них прям-таки бедой пахнет. Аж присела, молюсь про себя: только б живой из вагона выбраться! Дело вечером было, народу вокруг немного, вот они и высмотрели какого-то чурку. В углу торчал. Совсем мелкий, лет шестнадцать, может, семнадцать. Эти, значит, переглянулись, руки за пазухи сунули и пошли к нему. Понимаешь, зачем? Резать.

А Верку в этот день с самого утра злая муха укусила. Она сперва шефу надерзила, потом в «Пятерочку» зашла, тоже прооралась от души. Охранники ее заставляли сумку с мясом сдать в камеру хранения. Ха! Чтобы Верка отдала то, что попало в ее руки? В общем, была на взводе.

Она про этих пятерых тоже все поняла. Они двинулись с места, и вдруг Верка моя — пуховик нараспашку и в атаку! Ох, как она их крыла! Вы такие-сякие, чего вы тут задумали, рожи гнусные! Вы не мужики, а сосунки! И все такое... Прямо напирает на них, теснит! Ну а я чего... За ней семению. В поручень вцепилась и думаю: пырнут ведь ее сейчас. Ткнул ножичком в печень, и конец Верке! Они от мороженых наглухо. Им все пофиг! А она до кнопки вызова диспетчера дотянулась, нажала и орет: «В нашем вагоне фашисты,

вызывайте подкрепление, насилуют женщин и детей!» Тут как раз «Белорусская». Двери разъехались, эти пятеро попятились и вышли.

Верка потопталась, фыркнула... И не поймешь: то ли довольна, то ли нет. Я от страха вся мокрая как мышь, пот градом течет. Она обернулась ко мне, морду скривила и цедит сквозь зубы: «Фу! От тебя воняет!» И как раз мужик заходит в вагон. Симпатичный... на отставного военного похож. Я покраснела, стыдно мне стало... В другой раз познакомилась бы, может, а после такого комплимента и не улыбнешься лишний раз.

Она вздохнула.

– И вот так постоянно! С утра подумашь: героиня наша Бакшаева! А вечером: да чтоб ты сдохла, тварь, никого хуже тебя на всем свете нету. Одного у нее не отнять: она смелая. Как гладиатор! Ты смотрел фильм? Там главный герой на тебя похож... Только у него всю семью убили.

– Мои живы, хвала богам, – открестился Сергей. – Света, а кто такой Петр?

– Возняк его фамилия. – Пронина скривила губы. – Полудурок! Возняк он и есть Возняк.

«Ого!» – мысленно сказал Сергей.

А Пронина тем временем рассказывала, что Вера часто переезжала. Никакой системы в выборе места у Бакшаевой не было; она могла ткнуть в карту и рвануть в Екатеринбург или Новосибирск. Паспорт у нее имелся, но Вера крайне ред-

ко регистрировалась на съемных квартирах, да и вообще наплевательски относилась к всякого рода условиям и ограничениям. «Тыщу раз ее выгоняли за пьянки. И соседи жаловались: шума от Верки много. К тому же курит».

Макар был прав, подумал Бабкин, хоть и не во всем. Илюшин предположил, что Бакшаева оформила новый паспорт под предлогом утери старого; вряд ли она помнила, что документ остался в деревне. «Если так, могла и замуж выйти, – сказал он. – Иначе откуда песня о муже, чью квартиру продадут, чтобы отдать деньги Красильщикову?»

– Какие у нее деньги! – расхохоталась Светлана, когда Бабкин поделился с ней этой мыслью. – Верка – беднота, в кармане ветер гуляет!

За Бакшаевой переезжал и Петр Возняк.

– Он дурной! Но Верку прямо боготворил. Она рассказывала, что он по ней с самого детства сох.

– Он тебе не нравился?

– Нет. На зомби похож.

– Почему на зомби?

– Ну... и не живой, и не мертвый. Станный очень. Я боялась с ним в одной комнате оставаться. Все выпивают, веселятся, а он смотрит, как оловянный.

Женщину передернуло.

– Верка об него ноги вытирала и в глаза ему плевала. Когда у нее деньги заканчивались, разрешала ему с ней жить и за все платить. А потом попадет ей вожжа под хвост или

встретится новый мужик, так она сразу Возняка за шкуру и прочь, как лишайного кота. Он послушный. Но иногда и на него что-то находило. Верка его единственного побаивалась.

– Как же: выгоняла – и побаивалась?

– Не знаю я, как это объяснить, – Светлана покачала головой. – Она и издевалась над ним, потому что в ней страх сидел. Верка его таким образом перебарывала. Вроде как заявляла всему свету, что у Петьки никакой власти над нею нет. Себя саму утешала.

– И Возняк все это терпел?

– Куда он денется! Бакшаева – красotka, где еще такую найдет.

Бабкин рассмеялся.

– А вот это ты зря, – обиделась Пронина. – Верка, конечно, поправила малость. Ну, прилично поправила, ладно уж. Но вообще-то за ней мужики ухлестывали только в путь. Вот, смотри!

Вытащив из кармана телефон, она показала Сергею фотографии.

– Это наш коллектив в «Фазане». Хорошее место было! А это уже через четыре года, тут она, конечно, располнела. Петька хотел, чтобы они поженились, Верка даже кольцо выбрала. Потом в комиссионку отнесла.

– Так и не расписались?

– А зачем ей? Квартиры у Возняка нет, по съемным мыкается. Батя ему машину купил. Если Петьке деньги в руки

дать, Верка мигом бы на них лапу наложила, и остался бы сынок без грошей и без колес. А так она даже сама рулила, ей нравилось. Верка вообще-то лихо водит!

– Сбросишь мне эти фотографии? – попросил Сергей.

– Да я не умею...

– Давай покажу.

– Я еще кое-что вспомнила. Он стреляет хорошо, Петька. Рассказывал, что его отец научил. В тир ходит три-четыре раза в неделю. Я однажды с ними пошла, Верка меня зазвала... Он меткий! Прямо снайпер!

Петр много лет не то терпел, не то принимал происходящее как должное; во всяком случае, не роптал. А затем что-то изменилось. Вера годами вычерпывала из этого колодца слепое обожание, и однажды ведро шваркнуло по дну. «Я на тебя жизнь потратил, а ты ею свою жирную задницу подтерла!» – озлобленно бросил Петр. «Твоей жизни цена – копейка в базарный день! – отбрила Верка. – На нее даже рулона туалетной бумаги не купить».

Петр шел вразнос. Он то умолял Бакшаеву выйти за него замуж, то обещал, что бросит бесстыжую бабу. Наблюдая за амплитудой этих качелей, Света заподозрила, что рано или поздно они сорвутся с перекладины и убьют того, кто окажется поблизости. К тому же в эти дни город обсуждал жуткую новость: мужчина в пьяной ссоре задушил жену и расчленил ее труп.

Придя на работу, Света молча выложила перед подругой статью. «Я его, дурака, самого расчленю, – бросила Верка, скосив на газету карий глаз. – Не трать нервы, Светик. Все они трусы! Даже скучно».

* * *

Пока его напарник искал в Москве следы Веры Бакшаевой, Макар проверил фактическую сторону дела. Надежду действительно через месяц ждал суд, на котором ее должны были, скорее всего, признать мошенницей. Сама Надежда вину наотрез отрицала, призывая в свидетели сестру, однако сестры-то и не было. Зато был факт продажи чужого имущества по подложным документам.

Илюшину удалось взглянуть на копию паспорта, по которому Надежда выдала себя за Веру. Теперь ему окончательно стало ясно, отчего младшей Бакшаевой удалось без труда всех провести. Существо неопределенного пола и возраста, исподлобья смотревшее со снимка, с равной вероятностью могло быть Надеждой, Верой, бабушкой Яковлевой или даже Григорием Возняком.

«Значит, через месяц заседание, – размышлял Макар, возвращаясь в Камышовку, – и если ее осудят, то договор с Красильщиковым признают недействительным».

Но стоило ему подумать в сторону махинаций с наследственным имуществом, как выяснилось, что наследница у

Веры одна – младшая сестра, и других родственников не имеется. Быть может, Вера написала завещание? В этом Илюшин сомневался. Люди, подобные Бакшаевым, не часто прибегают к помощи юристов.

«Красильщикову она кричала, что двадцать миллионов найдет без труда, а ведь это большая сумма. Что за муж должен был продать квартиру, если даже ее наперсница ни про какого мужа слыхом не слыхивала?»

– Подруга Бакшаевой говорит, что у ее хахаля есть машина, – позвонив, сказал Бабкин. – Подержанная «Дэу Нексия». Возняку ее подарил отец. Номер я записал, хочу кое-что проверить. Кстати, везу тебе в подарок фотографию.

Он скосил глаза на бумажный прямоугольник, который после долгих уговоров согласилась выдать ему Светлана. «Отдашь, когда найдешь Верку», – предупредила она и вдруг некрасиво разрыдалась, одной рукой закрыв лицо, а другой маша на него: уходи, уходи. Он и ушел, затылком чувствуя укоризненные взгляды ее подруг.

– Возняк – это не наш ли Возняк? – живо спросил Макар.

– Наш. Петр, сынишка охотника. Жил в Москве, перебивался нерегулярными заработками, в основном – охранником в магазинах.

– Они не расписаны?

– Подруга утверждает, что нет. Я заскочу на обратном пути к следователю, попрошу его отправить запрос. Тогда будем знать наверняка.

– Где она жила последние два года?

– Будешь смеяться: там же, где и раньше. По липовой регистрации. Работала поварихой, на одном месте долго не заживалась. Исключение – только последняя столовая, где я как раз нашел подругу. Она уверена, что Вера мертва и убил ее Петр. Про Красильщикова, по ее словам, никогда в жизни не слышала.

– Не врет?

– Не похоже. Когда в августе Вера не вышла на работу, в столовой не слишком забеспокоились, такое и прежде случилось. Бывало, она проявлялась вообще в другом городе. Подруга пыталась дозвониться до Петра, но он сначала сбрасывал звонки, а потом стал абонентом вне зоны действия сети.

– Любопытно, любопытно, – протянул Илюшин. – Ладно, возвращайся.

– Задержусь немного. Вечером буду.

«Белая «Нексия», битая, задняя пассажирская дверь черная», – описала Светлана машину Петра Возняка. Регистрационный номер женщина не помнила. Сергей Бабкин отметил все заправки по дороге на Камышовку, распечатал увеличенную фотографию Веры и двинулся в путь.

Надежда на то, что кто-нибудь опознает Бакшаеву, была ничтожна. Если он прав в своем предположении, «Нексия» проезжала по этому маршруту лишь один раз, и с тех пор прошло три месяца. Но Бабкин не привык оценивать веро-

ятность успеха; он привык хорошо делать свою работу.

Он ехал, останавливался на заправке, спрашивал о женщине на фотографии, описывал машину Возняка. Не торопясь, терпеливо, от одного кружочка на карте до другого. На трехсотом километре они начали сливаться в его воображении; на четырехсотом он взглянул на навигатор и испугался, что пропустил одну. По закону подлости это должна была оказаться именно та заправка, где Вера заливала бензин. Сергей развернулся, проехал сорок километров и, увидев озадаченные лица девушек в мини-маркете, понял, что все-таки он здесь уже был.

На предпоследней заправке перед Камышовкой красивая женщина лет сорока, переставлявшая канистры с омывайкой, мельком глянула на его снимок и крикнула:

– Коль! Дуй-ка сюда!

Подошел седой охранник с большой, как у лабрадора, головой.

– Узнаешь эту суку?

– Какую?

– Которая погром устроила!

Тот полез в нагрудный карман за очками, что-то неуверенно бормоча, и надев их, преобразился в немолодого профессора; Бабкин, онемев от неожиданной удачи и из опасения, что лишним словом может спугнуть свое везение, молчал. Охранник изучил фотографию с таким видом, с каким врач изучает на консилиуме сложный случай, и вернул Сергею.

– Она, – веско сказал он. – Видали мы эту даму. Запоминающаяся.

– Сволота она, а не дама!

Бабкин осторожно выдохнул.

Вера Бакшаева была на этой заправке. Да, сказали работники, «Дэу Нексия» с черной дверцей, битая, – они внимательно рассмотрели машину, пока заливался бензин.

– В туалет она попросилась. А у нас в тот день как раз бачок сломался, ждали, когда починят. Она давай настаивать, чтобы ей дверь открыли, – мол, все мы врем, просто хотим слупить с нее побольше денег. Каких еще денег, когда туалет бесплатный? А у меня клиенты: один кофе просит, другой ждет с ребенком, пока блинчики разогреются... Не до нее, в общем. А она настырная! Не унимается никак. Ей Коля говорит: успокойтесь, дамочка, не работает туалет. Она кричит: где табличка? Почему не повесили табличку «Туалет не работает»? А какая табличка, когда он час как сломался! Не успели мы... Она шумела-шумела, потом стала требовать, чтобы ее в нашу уборную пустили. У нас для сотрудников вон там, в стороне, отдельная кабинка стоит.

– Но Катерина Пална уперлась, – с ухмылкой сказал охранник.

– Если со мной по-хорошему, то и я хорошая, – отрезала пышногрудая Катерина Пална. – А кто с мечом придет, тот пусть на харакири потом не обижается. Я ей сказала: женщина, у меня инструкция, не имею права вас пустить. Она

говорит: тогда я здесь нассу. Я говорю: ну ссы, если сраму не хватает. Пока она шумела, у меня люди разбежались. Мужчина ребенка увел, за блинчики платить не стал. Ну, я его не виню: как она ругалась матерно, это же уши в трубочку сворачивались! Коля стал выводить эту дрянь, а она повернулась вроде как ненароком и целый стенд с шоколадками свалила.

– Толкнула она его, – вмешался охранник. – Всей тушей надавила!

– Ага. Ахнула, типа от неожиданности, – и лыбится. Не повезло вам, говорит. И унитаз сломался, и «Сникерсы» разлетелись... Не будет вам больше ни в чем счастья. Смотрите, чтобы бензин не взорвался.

– Я после такой заявы пошел за ней и стоял рядом, пока она заправляла свою колымагу, – хмуро сказал охранник. – Думал, может, больная. Нальет бензину на асфальт и подожжет.

– Она и есть больная! Бешеная!

– Бешеные воды боятся...

Охранник и Катерина Пална поспорили немного о природе заболевания скандальной клиентки и сошлись на том, что Вера Бакшаева «психическая».

– Можно проверить по документам, какого числа вызывали сантехника? – спросил Сергей.

Да что ты, мил человек, какие тебе документы, сказали ему, три месяца прошло. Но Бабкин так искренне огорчился,

что суровая Катерина Пална растаяла, позвонила кому-то, и выяснилось, что сантехник был свой, Людкин племянник. Через неизвестную Людку вызвонили его, а он сверился со своими сантехническими записями, и спустя каких-то пятнадцать минут Бабкин знал: Вера Бакшаева проезжала через заправку утром пятнадцатого августа.

* * *

Красильщиков весь день провел рядом с печником, скобоченным человечком, путавшимся в собственной густой бороде. Макар отвел его в сторону и расспросил о вчерашнем дне. Печник, удивленно глядя на него, ответил, что Михалыч, конечно, приезжал; потом испугался, что сказал лишнего, и бочком убежал к Красильщикову.

Макар сел на крыльцо и погладил молчаливую собаку Чижика.

– Пойдем, дружище, побеседуем с кем-нибудь.

Старуха Худякова, увидев Илюшина, совершенно не удивилась.

– Василий! – крикнула она в приоткрытую дверь. – Васька! Самовар поставь, у нас гости.

– А сама переломишься? – отозвался надтреснутый голос.

– Тяжелый он!

– У тебя чайник электрический имеется.

Василий высунул из дома заросшую физиономию, смерил Илюшина хмурым взглядом, сунул ноги в калоши и утопал в неизвестном направлении.

– Эх, погань какая, – беззлобно сказала ему вслед Нина Ивановна. – До чего же вредное отродье! Может, и зря я его сюда притащила... Ну да, бог даст, по весне сам уйдет. Они, бездомные, на одном месте долго не сидят, не могут.

– А Василий бездомный?

– Васька-то? Какой же еще. Он вокзальный. А вот гостил у меня Семен, тот вокзалы не любил, все по подвалам ошивался. Говорил, ему среди людей неуютно. Пойдем чайку попьем. На Белку не гляди, она только так, пугает.

Рыжая с белыми пятнами Белка рычала из-под лавки на Макара.

В доме Илюшину налили чай. Здесь было чисто, тепло и уютно; Николай Чудотворец, заключенный в деревянный оклад, внимательно смотрел из угла, и узоры настенного ковра перекликались с резьбой на дереве. Единственное, что выбивалось из традиционного интерьера, – небольшой застекленный шкафчик глубиной не шире ладони. Макар привстал и рассмотрел внутри коллекцию птичьих яиц, разложенных по ватным гнездам.

Под взглядом Худяковой он отпил глоток.

– Нина Ивановна, зачем вы стали привозить к себе бомжей? Из жалости?

– Какое там! – живо отозвалась старуха. – Терпеть их не

могла!

Макар от изумления чуть не поперхнулся.

– Угощайся. – Она придвинула к нему пузатую сахарницу. – Рафинад сладкий, не то что нынешний. А с бездомными вот какая история вышла...

Она задумалась, переплетя пальцы в замок. Илюшин украдкой наблюдал и думал: какое все-таки незаурядное лицо – умное, волевое. Волосы седые, но густые и длинные – не зря она заплетает их в косу. Красивая старуха. И на удивление грамотная, живая речь.

– Овдовела я рано, – сказала Нина Ивановна. – Степан мой умер быстро. При той болезни, которая в нем гнездилась, это был царский подарок. Правда, это я уже позже поняла, когда поумнела, а в то время чуть не свихнулась от горя. Кто у меня был, кроме него? – Худякова начала загибать пальцы. – Во-первых, мамочка моя. Добрая, нежная, я от нее за всю жизнь слова злого не услышала. Во-вторых, отец. Нас у него три дочери и один сын. Сильный был, добрый, учил меня всему, что знал сам, только до тяжелой работы не допускал. В-третьих, Зоя с Леной и Алешка, младший. Мы в нем души не чаяли! Таким он рос чудесным мальчишкой, ну просто подарок, а не ребенок. Зойка была веселая и хорошенькая, такие обычно бывают счастливы, Лена – строгая и красивая, улыбалась редко, но если улыбнется, ходишь как поцелованный. Ты сейчас сидишь и думаешь, что я тебе су-сальную картинку рисую, да?

– Нет, Нина Ивановна.

– Ты подожди! У меня фотокарточка есть. Я ее берегу как зеницу ока.

Худякова легко поднялась и выдвинула ящик буфета.

– Вот, смотри.

Фотография поразила Илюшина. Это был профессиональный портрет большой семьи. Молоденькая Нина смотрела в камеру – выражение такое, будто вот-вот расхохочется, спрыгнет со стула и умчится босиком, сбросив надоевшие туфли.

– Какой же это год?

– А вот на обороте написано... тысяча девятьсот пятьдесят восьмой. Значит, мне тут, дай сообразить... ага, пятнадцать. Снимал нас Ильясов, вот и подпись его. Он затеял что-то вроде любительской этнографической экспедиции. Ездил по окрестным селам, снимал людей и их дома, песни записывал. Первый раз побывал у нас в пятьдесят восьмом, второй – тридцать лет спустя или чуть меньше. У меня, как видишь, фотокарточка осталась от первого его визита. Он не всем делал такой подарок.

– А от второго?

– Ильясов старенький уже был. Кажется, опостылело ему это дело. Я его и не видела, не хотелось мне с ним встречаться. Но ты на карточку-то смотри, смотри! Видишь – это мамочка моя, она всегда улыбалась. Вот это Зойка, на ней любимое платье в розочку. Лена фотографироваться не хотела,

Алешка ее развеселил. Красивые, а?

– Очень, – признал Илюшин. – У вас прекрасная семья, Нина Ивановна.

– Чаем ее не залей. Они и без того у меня желтеют от времени, чисто папуасы.

Она ласково погладила фотографию и с той же интонацией сказала:

– Значит, папа мой умер прямо на поле через восемь лет после того, как Ильясов посадил нас перед своей камерой. – Нина Ивановна загнула один палец. – Мама пережила его на полтора года. Остались мы с сестрами и Лешкой. Вроде бы можно жить, верно?

Макар смотрел, как она загибает остальные пальцы, и молчал.

– Лена вышла замуж, уехала на Север и там через пять лет наложила на себя руки. Отчего, почему – не знаем. Письма она писала короткие, я их потом перечитывала без конца, но она всегда была скрытная, Ленка моя... Ничего я из них не узнала. Зойка погибла по-глупому. По путям шмыгнула перед электричкой, можешь себе представить? Взрослая тетка, а пяти минут пожалела, чтобы до перехода дойти. Знаешь, кому сказать – не поверят: Лену-то я простила, а вот Зойку – нет. Она ведь беременная была. И себя загубила, и ребеночка. Кто остался? Я да Лешка. Ну, Лексею моему в Камышовке всегда было тесно. Он уехал в город, сначала на одной женщине женился, затем развелся и сразу к другой подался,

потом и вовсе к третьей. Детей нигде не было. Последняя его жена меня убеждала, будто он из-за этого и выпивать начал... Не знаю, Макар. Он всегда бедовый был. Убили его в пьяной драке, а я в больнице тогда лежала, даже на похороны приехать не смогла.

Нина Ивановна бросила сахар в остывший чай.

– Вот, значит, какой расклад, – спокойно сказала она. – Муж мой погиб. Семья ушла за восемь лет, один за другим. Утешение у меня все же оставалось: мальчик мой золотой, сынок единственный... Так и его судьба у меня забрала.

Она помешала сахар. Илюшин слушал позвякивание ложечки и смотрел на фотографию, где все еще были счастливы.

– Знаешь, как я жила? Врать не стану, плохо. Как будто сперва мне сердце вырезали. Затем желудок. После – легкие. И так до тех пор, пока ничего у меня внутри не осталось – одна пустота, как в бочке. А живу-то я до-олго!

Худякова сокрушенно покачала головой и отпила чай.

– Но я тебе вот что важное скажу: наш Господь – он ко мне милосерден.

– Милосерден? – озадаченно повторил Макар.

– Очень!

Илюшин поразмыслил и решил говорить без обиняков.

– Нина Ивановна, вы пережили всю свою семью. Страдали без них, каждый день вам был не в радость. Может, даже умереть хотели...

– Не то слово как хотела! – подтвердила старуха.

– Так и где же здесь милосердие? Это не жизнь, а пытка.

– Вот и я над этим думала. Зачем, думаю, мне Господь выдал столько времени? Что мне с ним делать одной? Горю предаваться? Вряд ли Он этого хотел. Думала-думала, чуть голову себе наизнанку не вывернула, веришь? И вдруг поняла! Это мне шанс дают, возможность измениться. Чтобы с чистой душой пришла я к Нему, когда настанет мой срок. Вот в чем доброта Божья! Если на тебе грязное платье, ты ведь не захочешь перед царем появиться в обносках! Чай, попросишь время, чтобы дыры заштопать да грязь отстирать. Мои нескончаемые годы и есть время на постирушку.

Она перекрестилась на икону.

– Стала я думать: в чем я плоха? Что мне нужно в себе преодолеть? Сообразила: людей я не люблю. У меня была такая хорошая семья, что рядом с ними все прочие казались свиньями. Один собой нехорош, другой вороват, третья блудлива... Особенно убогих презирала. Ну плесень же, дрянь! Бывает, увижу какого-нибудь алкаша, под скамеечкой спящего в собственных нечистотах, и мысленно тряпкой его стираю, будто ошибку с доски. Сразу чище!

– И вы эту брезгливость приняли в себе искоренять? – спросил Илюшин, пораженный ходом ее мысли.

– Верно. Первым привезла Сашку. Он в соседнем дачном поселке зимовал, а когда хозяева вернулись, его чуть не пристрелили. Мыкался по окрестностям, бедолага. Отмыла,

вшей вывела, одежду старую нашла... Тяжело мне это давалось, врать не стану. Когда Сашка ушел, поехала во Владимир по делам, и там подвернулся мне на автостанции Володька одноглазый... Я им всем говорила, что у меня обет после смерти мужа: бедным помогать.

– Значит, научились все-таки их жалеть?

Старуха замахала руками:

– Их? Себя! От подобранной кошки больше пользы: она хоть мышей ловит. А бомжи – народ глупый, ленивый, неблагодарный и ни к какому осмысленному труду не способный. Попросишь сортир почистить, все вокруг зальют говном. Скажешь, чтобы семена морковки в грядку засыпали, придешь – семечки сбоку от бороздок лежат, а то и на тропе. Нет, Макар, поганый это народец в большинстве своем. Даже не то чтобы поганый, а так... пустой.

– Своеобразно вы развили в себе сострадание к ближнему, – заметил Илюшин.

Худякова засмеялась.

– Это ты меня поймал! Верно... Только я ведь и презирать их перестала. Люди и люди; все Господу угодны, все Его дети. Однажды вспомнила себя прежнюю: сколько ж мусора в голове носила! Поначалу еще мнила себя благодетелем. Правда, быстро поняла: нет уж, бродяги мои ни о чем меня не просили, им мое благодеяние сто лет не сдалось. Это я свои дела при жизни улаживаю за их счет. Я им спасибо должна сказать, а не они мне. Вот так и живем.

– И много у вас народу перебывало?

– Может, восемь человек, может, больше: я счет не веду. Я для них типа полустанка: придут в себя, оклемаются и дальше чухают. Василий вот только задержался. Но у него и мозгов побольше, и от работы не бежит. Вредный, правда...

– А в деревне... не возражали?

Худякова понимающе кивнула.

– А как же! Григорий больше всех бесился. Требовал, чтобы я своих мужичков выгнала, иначе за ними на вокзал пойду. Но я же перед Господом обет дала. – Она опустила голову со смирением, которое, как показалось Макару, было прямо-таки вызывающе притворным. – Да и священник меня на это дело благословил.

«Ох и непростая старушенция. Беспроегрышную карту разыграла».

– Кто выпивал, тех я сама выгнала, – заверила Худякова. – Мне здесь алкаши не нужны. Подожгут еще дом...

– Кстати, про поджог, – сказал Илюшин. – Расскажите о том пожаре, который случился в девяносто первом.

– Ну, Бакшаевы горели, – нехотя сказала Нина Ивановна. Вся ее словоохотливость разом испарилась.

– Это я уже знаю.

– Человек погиб.

Илюшин вздрогнул и посмотрел на нее.

– Какой человек?

– Парень молодой... Напился, уснул пьяный в сарае. А тут

пожар. Никто и не знал, что он там. Когда все было в огне, он закричал... А как вытащишь? Никак. Страшное дело, Макар... — Старуха отвернулась. — У нас не любят о нем вспоминать. Да и я не стану, ты уж меня прости. Сердце у меня от этого болит.

Выйдя от Худяковой, Макар сунул руки в карманы и побрел домой. Не любят они вспоминать! Когда в деревне тетки Маши семья отравилась паленой водкой, об этом потом двадцать лет рассказывали, с подробностями: и кто тревогу поднял, и в какую больницу доставили пострадавших, и кто выжил, а кого не спасли. В деревнях легенда вырастает из ничего, из древесного лишайника и сушеного гриба. А в Камышовке, оказывается, человек погиб, и все молчат, как в рот воды набрали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.